

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173742/

X 1

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТОМЪ СЛХХХХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 36.

1889

~~335/~~
~~480~~

ЗАМѢТКИ ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ ГЕНЕРАЛА СКОБЕЛЕВА ВЪ АХАЛЬ-ТЕКЕ.

(Изъ записокъ сапернаго офицера).

Пріѣздъ генерала Скобелева и подготовительный періодъ экспедиціи.

Назначеніе генерала Скобелева начальникомъ отряда, казавшееся намъ мало вѣроятнымъ, не только стало фактомъ, но 7-го мая войска ожидали пріѣзда его въ Чекишляръ.

Около домика начальника отряда выставленъ былъ почетный караулъ отъ временно командуемой мною роты.

Передавъ караулу присланное войскамъ спасибо Его Высочества Намѣстника Кавказа за труды минувшей экспедиціи, генераль Скобелевъ прибавилъ, что и послѣ туркестанскихъ походовъ, и послѣ трудныхъ дней Плевны о саперахъ сохранились у него самыя хорошія воспоминанія, и выразилъ надежду, что все предстоящее не заставитъ забыть ихъ. Трудно передать словами то оживленіе, которое было внесено въ монотонную, скучную жизнь отряда пріѣздомъ генерала Скобелева. Всѣ были увѣрены, что наши далеко не важныя дѣла примутъ теперь совершенно другой оборотъ, что померкшее вслѣдствіе нашей минувшей неудачи обаяніе русскаго имени и оружія въ Средней Азіи скоро поднимется не только на старую, но и на высшую точку.

На другой день послѣ пріѣзда генераль Скобелевъ объѣхалъ войска, а спустя нѣсколько дней произвелъ смотръ всѣмъ частямъ, расположеннымъ въ Чекишлярѣ. Разговаривая съ солдатами, онъ настойчиво внушалъ имъ, что весь успѣхъ предстоящаго дѣла главнымъ образомъ зависитъ отъ взаимной боевой поддержки и что если каждый будетъ стоять за всѣхъ и всѣ за cadaго, то никакой неприятель не будетъ страшенъ.

Жизнь Чекишляра за это время была крайне дѣятельна, причемъ главная дѣятельность была сосредоточена на непрерывной выгрузкѣ одинъ за другимъ приходившихъ пароходовъ съ продо-

вольствіемъ и въ отправкѣ этого продовольствія впередъ на линію Чекишляръ—Дузъ-Олумъ. Въ послѣдній, кромѣ того, послана была комисія, состоящая изъ адъютанта генерала Скобелева и двухъ офицеровъ саперной роты, для опредѣленія степени годности продуктовъ, находящихся въ устроенномъ въ Дузъ-Олумѣ въ теченіе зимы интендантскомъ складѣ.

Вскорѣ послѣ смотра началось выступленіе войскъ изъ Чекишляра по линіи Чекишляръ—Дузъ-Олумъ, причемъ каждая уходящая часть являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и конвоемъ болѣе или менѣе значительнаго транспорта посылаемыхъ впередъ въ чатскій и дузъ-олумскій магазины жизненныхъ продуктовъ, что, впрочемъ, при весьма ограниченномъ количествѣ имѣющихся верблюдовъ, совершалось въ довольно скромныхъ размѣрахъ.

21-го мая кончилось, наконецъ, и наше сидѣніе въ Чекишлярѣ, и рота, вмѣстѣ съ недавно прибывшей изъ Петербурга геліографною командой, морской батареей изъ картечницъ и стрѣляющихъ унитарными патронами орудій, выступила въ Дузъ-Олумъ.

Безъ всякихъ приключеній колонна миновала Караджа-Батырь и Яглы-Олумъ и 23-го мая была уже въ Чатѣ. Здѣсь простояли три дня, поджидая транспорта для Дузъ-Олума, куда и пришли 28-го мая.

Въ Дузъ-Олумѣ предполагали простоять недолго, но на самомъ дѣлѣ вышло наоборотъ, и рота оставалась тамъ до 1-го іюля, исключая перваго взвода, который ушелъ впередъ 4-го іюня вмѣстѣ съ тремя ротами Самурскаго и тремя ротами Ширванскаго полковъ, съ морской батареей, полубатареей 4-й батареи 20-й бригады, полубатареей 6-й горной батареи 21-й бригады и сотней Полтавскаго казачьяго полка. Эта колонна по счету была третья. Въ составъ первыхъ двухъ, ушедшихъ изъ Дузъ-Олума 27-го и 29-го мая, колонны вошли: шесть ротъ Самурскаго полка, полубатарея 4-й батареи 20-й бригады и сотня Таманскаго коннаго полка. При второй колоннѣ слѣдовалъ, кромѣ того, личный конвой ген. Скобелева, состоявшій изъ послѣдовавшихъ за нимъ по личной охотѣ кавказскихъ горцевъ, и въ составъ этой же колонны въ день нашего прихода въ Дузъ-Олумъ была направлена прибывшая вмѣстѣ съ нами геліографная команда, которую послѣ небольшого отдыха отправили впередъ на фургонахъ.

Начиная почти отъ Дузъ-Олума вверхъ по теченію Сумбара и Чандыря, по долинамъ русла этихъ рѣкъ попадаетъ значительное количество довольно большихъ деревьевъ, благодаря чему расположенныя въ Дузъ-Олумѣ войска могли настроить себѣ землянокъ,

для начальника же дузь-олумскаго гарнизона выстроены были довольно большой домъ изъ сырца.

Домъ этотъ по своему наружному виду, по своей окраскѣ голубаго цвѣта, по оконнымъ рамамъ со стеклами, а равно и по внутренней отдѣлкѣ, былъ постройкой вполне европейскаго характера, если не считать плоской кровли, и не имѣлъ себѣ соперника вѣроятно даже и въ ближайшихъ частяхъ Персіи, не говоря уже объ оазисѣ. За то и называли его въ шутку не иначе, какъ дворцомъ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ упомянутыхъ колоннъ часть землянокъ опустѣла, и одна изъ нихъ досталась на нашу долю, что было истиннымъ благодѣяніемъ въ виду наступившихъ жаровъ.

Саперныхъ работъ производить во время стоянки въ Дузь-Олумъ почти не приходилось, если не считать исправленія спусковъ къ Сумбару въ Харь-Олумъ и исправленія кой-какихъ мѣстъ ведущей къ послѣднему дороги.

Но взаимны саперныхъ работъ мы привлечены были къ отправленію гораздо болѣе скучной обязанности — къ сопровожденію транспортовъ продовольствія.

Транспорты эти отправлялись изъ Чата въ Дузь-Олумъ по опредѣленнымъ днямъ и до Харь-Олума, т. е. до половины пути между Чатомъ и Дузь-Олумомъ, сопровождались частями чатскаго гарнизона, на смѣну которымъ изъ Дузь-Олума выходили на встрѣчу въ Харь-Олумъ части гарнизона дузь-олумскаго. 2-го іюня очередь встрѣчать транспортъ выпала на долю саперъ, и я часа въ четыре пополудни отправился со взводомъ по избитой и надорванной харь-олумской дорогѣ.

Дойдя до Харь-Олума, расположились отдохнуть, выставивъ пару постовъ, чего по условіямъ мѣстности было вполне достаточно, чтобы получить предупрежденіе въ случаѣ какой нибудь опасности. Часовъ около 12-ти ночи съ поста привели коннаго туркмена, который привезъ письмо, адресованное начальнику вышедшаго на встрѣчу транспорта конвоя. Въ письмѣ было сказано, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ транспортъ не могъ выступить во-время и что въ Харь-Олумъ по этому случаю онъ будетъ поздно ночью или рано утромъ слѣдующаго дня.

Часа въ три ночи слышались звуки горна, которыми обыкновенно, во избѣжаніе какихъ-либо печальныхъ недоразумѣній, всегда возвышалось приближеніе транспорта къ ожидающему его прикрытію, если это случалось ночью. Подобный порядокъ былъ принимать, впрочемъ, не для однихъ только транспортовъ, а всякая во-

обще часть, подходя ночью къ мѣсту, гдѣ можно было ожидать присутствія какихъ-либо войскъ, возвѣщала о своемъ приближеніи звуками горна или трубы.

Транспортъ оказался на этотъ разъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, потому что при немъ слѣдовало много офицеровъ, частью возвращающихся къ своимъ частямъ съ западнаго берега Каспія изъ отпуска, которымъ они воспользовались благодаря продолжительному затишью, частью же прибывшихъ въ первый разъ въ наши мѣста.

На слѣдующій день транспортъ благополучно добрался до Дузь-Олума и началась довольно однообразная жизнь, но скучной называть ее все-таки было нельзя вслѣдствіе всеобщаго оживленнаго настроенія и ожиданія близкаго начала общаго движенія впередъ.

Дѣло снабженія войскъ, хотя далеко еще не пришедшее къ этому времени къ желаемому и проектированному плану, было организовано на этотъ разъ на началахъ совершенно не схожихъ съ имѣвшими мѣсто въ предыдущую экспедицію. Всѣ имѣвшіеся въ отрядѣ верблюды организованы были въ отдѣльные транспорты и каждый изъ такихъ транспортовъ находился въ постоянномъ вѣдѣніи одного и того же офицера, неотлучно находившагося при транспортѣ.

Новый способъ организаціи перевозочныхъ средствъ давалъ возможность извлекать изъ верблюдовъ наибольшую пользу, такъ какъ всѣ они были постоянно въ дѣлѣ, между тѣмъ какъ при ранѣе принятомъ распредѣленіи верблюдовъ по частямъ верблюды эти часто по цѣлымъ недѣлямъ не видали выюка или, наоборотъ, навьючивались въ случаѣ недостатка въ части верблюдовъ до такой степени грузно, что еле волочили ноги. Недостатокъ же въ верблюдахъ весьма легко являлся или въ силу увеличившагося почему-либо имѣющагося при части груза (часть получила продовольствія на бѣльшій срокъ, чѣмъ предположено было имѣть его сначала; явилась необходимость на длинномъ безводномъ переходѣ отдѣлить нѣсколько верблюдовъ подъ выюки съ водой и т. п.), или же въ силу уменьшенія въ части верблюдовъ, которое опять-таки было весьма возможно, такъ какъ часто начальникъ части могъ знать ни характера и привычекъ, ни размѣровъ требованій своихъ выючныхъ животныхъ, да кромѣ того каждый начальникъ части имѣлъ дѣла вполне достаточно и безъ верблюдовъ.

Для хозяйственныхъ надобностей въ каждую часть дано было ограниченное число верблюдовъ, которые при ней постоянно и находились; въ случаѣ же движенія части весь грузъ ея поднимался транспортными верблюдами, которые затѣмъ снова возвращались

къ своему дѣлу — перевозкѣ продовольственныхъ, боевыхъ и прочихъ припасовъ отъ моря внутрь страны.

У насъ при ротѣ было шесть верблюдовъ, частью для нуждъ роты, какъ то: возки для кухни воды, дровъ, перевозки изъ магазина въ роту принятыхъ продуктовъ и т. п., частью же на случай работъ, причемъ на этихъ верблюдахъ доставлялся инструментъ, выданный въ роту для ежедневныхъ потребностей изъ инженернаго склада. Подъ выюки этого же инструмента верблюды пускались и при передвиженіяхъ роты. Работъ было мало; по хозяйству роты какая-либо возка требовалась очень не часто, и верблюды наши большую часть своего времени проводили около лагеря въ оврагѣ Чандыря, отъѣдаясь растущей тамъ травой и камышемъ.

Верблюжій вопросъ, если можно такъ выразиться, есть вопросъ настолько важный во всѣхъ экспедиціяхъ въ Средней Азіи, да вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, стоящихъ въ подходящихъ условіяхъ, что половину успѣха дѣла, если не болѣе, можно считать заключающеюся въ болѣе или менѣе удачномъ разрѣшеніи этого важнаго вопроса. Поэтому я позволю себѣ еще немного остановиться на немъ, чтобы сказать, какъ стояло это дѣло въ разсматриваемый моментъ экспедиціи.

Какъ ни скромны требованія верблюда, но и онъ, подобно всякому другому живому существу, нуждается во снѣ и пищѣ и, удовлетворяя этимъ требованіямъ животнаго въ томъ или другомъ размѣрѣ, въ соответствующемъ же размѣрѣ можно предлагать и требованія верблюду. Труда верблюдъ не боится и способенъ трудиться долго и равномерно, если въ отвѣтъ на это получаетъ рациональное удовлетвореніе своихъ нуждъ; но при этомъ требуется, чтобы прибѣгающій къ услугамъ его человѣкъ до нѣкоторой степени подчинилъ свои дѣйствія привычкамъ верблюда.

Верблюдъ не спитъ въ другое время кромѣ ночи и не пасется иначе какъ днемъ, сообразуясь съ тѣмъ при мирномъ караванномъ движеніи съ верблюдами двигаются лишь часть дня, а остальную часть того же дня и ночь удѣляютъ на отдыхъ и пастьбу верблюдовъ. При выполненіи этихъ условій движеніе каравана можетъ долгое время совершаться изо дня въ день и выючныя животныя не будутъ особенно изнурены, не говоря уже о томъ, что такой порядокъ пользованія силами верблюда ни въ какомъ случаѣ не можетъ довести животное до окончательной неспособности двинуться съ мѣста, а не то что поднять какой нибудь грузъ, какъ это случилось

въ минувшую экспедицію съ большинствомъ бывшихъ при войскахъ верблюдовъ.

Какъ скоро верблюдъ сдѣлался невольнымъ пособникомъ какого-либо военного предпріятія, — условія его жизни измѣняются въ сторону, ведущую почти къ неизбѣжной гибели животнаго.

Верблюдъ ночью хочетъ спать, а часть вынуждена ночью почему либо двигаться — и верблюдъ остается безъ сна. Верблуду нужно употребить часть дня на пастбу, но весь запасъ незатѣйливой пищи верблюда давно уже стравленъ на значительное разстояніе кругомъ, отогнать животное подальше не представляется возможнымъ иногда потому, что пастбища нѣтъ и дальше, а затѣмъ еще и потому, что стадо пустить безъ прикрытія нельзя, а люди устали и нуждаются въ отдыхѣ послѣ ночнаго движенія, а также можетъ быть и для движенія въ слѣдующую ночь, въ которомъ опять-таки будетъ со- путствовать имъ не спавшій и голодный верблюдъ.

Часть получила приказаніе быть готовой къ выступленію къ та- кому то часу, — и уже за полчаса до срока выступленія всѣ верблюды стоятъ навьюченными, но приказанія выступать все нѣтъ и нѣтъ. Верблюдовъ укладываютъ, но вьюковъ съ нихъ не снимаютъ, по- тому что движеніе можетъ начаться каждую секунду и для новой вьючки, не смотря на несложность этого процесса, времени не будетъ.

Такимъ образомъ, верблюдъ совершенно непроизводительно два-три часа гнетъ свою терпѣливую спину подъ тяжелымъ вьюкомъ и это, конечно, не можетъ пройти для него безслѣдно.

Хотя и рѣдки, но возможны случаи, когда вьюкъ не снимается съ верблюда весьма долгое время, какъ это и было въ минувшую экспедицію, когда верблюды, навьюченные въ ночь съ 27-го на 28-е августа, были развьючены лишь ночью съ 29-го на 30-е, т. е. оставались подъ вьюкомъ болѣе 40 часовъ, не получая ни до, ни послѣ этого ни достаточно отдыха, ни достаточно пищи.

Неумѣлыми руками наложенныя сѣдла протираютъ верблюжью спину до позвонковъ; неуравновѣшенный вьюкъ гнетъ верблюда на сторону и до реберъ протираетъ ему бока; не привыкшій къ животному солдатъ думаетъ возмѣстить свое неумѣнье обращаться съ животнымъ и естественное въ такомъ случаѣ непослушаніе мирнаго и покорнаго обыкновенно верблюда градомъ ударовъ, которые сып- лются на неповиннаго животнаго, возрастая вмѣстѣ съ вызывае- мымъ этимъ же самымъ битьемъ непослушаніемъ животнаго, не привыкшаго къ подобному обращенію и не понимающаго, чего отъ него требуютъ.

Все это обыкновенно кончается тѣмъ, что послѣ двухъ, трехъ, а иногда даже и послѣ одной большой экспедиціи, край является совершенно лишеннымъ возможности доставить перевозочныя средства, и хозяева небольшого сравнительно оставшагося цѣлымъ количества верблюдовъ очень неохотно рѣшаются пустить ихъ на нужды войска, а иногда и совершенно отказываются сдѣлать это по доброй волѣ, вслѣдствіе чего волей-неволей приходится прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ.

Описываемое время было одно изъ самыхъ трудныхъ въ этомъ отношеніи. Предыдущая экспедиція погубила почти всѣхъ верблюдовъ края, а хозяева оставшихся цѣлыми ни за что не соглашались ходить съ своими верблюдами дальше Дузь-Олума, не вѣря въ силу русскихъ относительно защиты транспортовъ отъ текинцевъ на дальнѣйшемъ пути.

Были приняты мѣры для найма верблюдовъ у мангишлакскихъ киргизъ, но въ ожиданіи результатовъ этой мѣры надо было во что бы то ни стало раздобыться верблюдами на мѣстѣ, сколько бы ихъ тутъ ни набралось.

Для переговоровъ по этому поводу были приглашены наиболѣе вліятельные изъ туркменъ, причемъ рѣшено было, хотя и со всевозможной мягкостью, задержать ихъ въ качествѣ заложниковъ до тѣхъ поръ, пока верблюды не будутъ получены и не выполнять ожидаемыхъ отъ нихъ услугъ.

Ничего не подозрѣвавшіе гости-невольники послѣ долгихъ переговоровъ списались съ своими аулами, и верблюды въ количествѣ, потребномъ для выполненія настоятельныхъ нуждъ экспедиціи, были добыты, хотя со стороны туркменъ и было поставлено условіемъ, что транспорты будутъ ходить только до Дузь-Олума и что если и на этомъ пути съ верблюдами или ихъ жоками произойдетъ какое-нибудь несчастье въ родѣ захвата ихъ текинцами, то русскіе уплатятъ за потерянныхъ верблюдовъ и выкупятъ у текинцевъ жокаковъ. Какъ ни рѣзки были эти условія, въ которыхъ ясно проглядывало все недовѣріе туркменъ къ силѣ русскихъ, но ихъ надо было принять.

Такимъ образомъ движеніе грузовъ до Дузь-Олума было до нѣкоторой степени обезпечено, но такое рѣшеніе вопроса недолго могло удовлетворять ходу дѣлъ, и когда въ концѣ мая вмѣстѣ съ началомъ дальнѣйшаго движенія войскъ изъ Дузь-Олума потребовалось двинуть и грузы, то верблюдовожатые наотрѣзъ отказались

двинутся изъ Дузь-Олума дальше къ оазису, мотивируя это раньше поставленными условіями.

Никакіе доводы не могли поколебать ихъ рѣшимости: пришлось, какъ это ни было нежелательно, прибѣгнуть къ насилію, и туркмены были заключены подъ стражу съ предупрежденіемъ, что не будутъ освобождены иначе, какъ согласившись на поставленные имъ требованія, причемъ имъ было объявлено и о томъ, что и ихъ лучшіе люди при такихъ же условіяхъ задержаны въ Чекишлярѣ.

Туркмены упорствовали. Верблюды ихъ безъ призора бродили по степи, и когда было приказано собрать ихъ въ кучу и уложить, то сотни верблюжьихъ глотокъ раскрылись отъ не совсѣмъ ласковаго солдатскаго обращенія и воздухъ огласился неумолкаемымъ ревомъ. Вожакъ изъ жалости къ своимъ животнымъ махнулъ рукой на все и объявилъ, что согласенъ исполнить все, что отъ нихъ потребуютъ.

Такъ заключилась эта верблюжья драма, яснѣй всего говорившая, что хоть небольшой, но немедленный успѣхъ въ дѣлахъ экспедиціи положительно необходимъ, чтобъ впечатлительные, какъ и всѣ азіатцы, туркмены не отшатнулись отъ насъ окончательно, или, что еще хуже, не перешли бы на сторону нашихъ стойкихъ враговъ, въ чемъ тоже не было ничего невѣроятнаго. Пока мы сидѣли въ Дузь-Олумѣ, ушедшія впередъ войска 31-го мая успѣли побывать за Копеть-Дагомъ въ самомъ оазисѣ, что было произведено главнымъ образомъ съ цѣлью осмотра путей, ведущихъ въ оазисъ, а также и выбора въ самомъ оазисѣ пункта, который послужилъ бы исходной точкой нашихъ дѣйствій противъ текинцевъ.

Съ этой цѣлью въ Ходжамъ-Кала были сформированы двѣ колонны: одна (исключительно кавалерійская) — черезъ Бендесенъ и Бендесенскій переваль, а другая (исключительно пѣхотная) — черезъ Коджскій (почти противъ Ходжамъ-Кала) переваль вошли въ оазисъ, занявъ Коджъ и Бами, причемъ вступившая въ Бами колонна прошла дальше до Беурмы и затѣмъ снова возвратилась въ Бами. Послѣ этого обѣ колонны соединились около Коджа и вышли изъ оазиса черезъ Коджскій переваль въ Ходжамъ-Кала.

Результатомъ этой рекогносцировки было рѣшеніе принять за начало нашихъ будущихъ дѣйствій въ оазисѣ Бами наивыгоднѣйшую изъ трехъ ранѣ намѣченныхъ точекъ, которыми, кромѣ Бами, были Коджъ и Кизылъ-Арватъ.

Причины, заставившія остановиться на Бами, заключались какъ въ болѣе центральномъ положеніи этого пункта въ оазисѣ сравнительно съ другими двумя пунктами, такъ и въ болѣе удобномъ сооб-

шеніи съ чекишлярской линіей, такъ какъ Коджскій переваль былъ доступенъ лишь для пѣхоты и съ трудомъ для кавалеріи.

Спротивленія рекогносцирующимъ войскамъ не было никакого, такъ какъ текинцы со всѣмъ имуществомъ и стадами отошли къ Геокъ-Тепе. Отступление ихъ на этотъ разъ было совершено при не совсѣмъ благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ они не успѣли собрать посѣянной жатвы, чего повидимому и хотѣлъ генераль Скобелевъ.

Трудно было впрочемъ ожидать, чтобъ слѣдствіемъ этого явился недостатокъ продовольствія среди населенія оазиса, такъ какъ съ ними были ихъ громадныя стада, да и хлѣба по всей вѣроятности у нихъ оставалось еще отъ прошлогодняго урожая, который имъ удалось собрать полностью. Кромѣ того, текинцы всегда могли разсчитывать пополнить недостатокъ въ продовольствіи пріобрѣтеніемъ послѣдняго изъ Персіи и отъ своихъ мервскихъ соплеменниковъ. Но оставленные текинцами посѣвы могли явиться нѣкоторымъ подспорьемъ къ нашимъ продовольственнымъ средствамъ, что представляло нѣкоторую важность въ виду того громаднаго пути, который долженъ былъ сдѣлать каждый кусокъ сухаря, раньше чѣмъ ему суждено было попасть въ солдатскій желудокъ, каждый гарнецъ овса и клочекъ сѣна.

10-го іюня совершилось, наконецъ, давно ожидаемое желанное движеніе, открывшее собой новый фазисъ экспедиціи—дѣйствительный періодъ ея, такъ какъ все до сего совершенное было лишь приготовленіемъ къ этому періоду рѣшительныхъ дѣйствій.

Какъ и во время рекогносцировки оазиса, войска двинулись туда двумя колоннами, черезъ Бендесенскій и Коджскій перевалы, и къ вечеру того же дня въ Баи сосредоточено было три роты пѣхоты, пять сотенъ казаковъ (одна изъ нихъ ракетная), полевая батарея и взводъ горной артилеріи. На слѣдующій день, т. е. 11-го іюня, эта горсточка войскъ усилена была еще двумя ротами пѣхоты и морями съ ихъ артилеріей.

Въ тотъ же день часть войскъ двинута была къ Беурмѣ для уборки созрѣвшей уже пшеницы, чѣмъ занялись и около Баи, оставивъ поля по направленію къ Кизиль-Арвату до времени нетронутыми. Никакого сопротивленія со стороны текинцевъ всему этому оказано не было, лишь около Беурмы убирающія пшеницу войска часто должны были вести перестрѣлку, исправлять разрушенія въ оросительныхъ приспособленіяхъ, которыя (разрушенія) производились текинцами съ цѣлью отвода воды.

Желанная очередь двинуться впередъ дошла; наконецъ, и до

насъ, и мы, въ качествѣ прикрытія транспорта, 1-го іюля выступили изъ Дузь-Олума. Въ Ходжамъ-Кала транспортъ имѣлъ дневку съ цѣлью покормить верблюдовъ въ изобиліи растущимъ вокругъ тростникомъ, и мы, пользуясь этой остановкой, отправились втроемъ къ западу по Ходжамъ-Калинской долині и совершенно неожиданно натолкнулись на картину, лучше которой врядъ-ли что могло быть для людей въ нашемъ положеніи.

Вытекавшій изъ-подъ ходжа-калинскихъ холмовъ источникъ, извиваясь все время среди кустовъ и камыша небольшой серебрястой змѣйкой по самой поверхности земли, въ 3—4 верстахъ отъ Ходжамъ-Кала легонькимъ водопадомъ спускается въ глубокій оврагъ, образуя на днѣ его небольшое озеро. Озеро это густо поросло разнообразными водорослями и лишь у самого водопада, вѣроятно вслѣдствіе постоянного движенія воды, сохранилось небольшое чистое пространство. Кристалически чистая вода позволяла видѣть дно этого небольшого бассейна, а часто стоявшія по берегамъ довольно высокія и густыя деревья не давали солнныку слишкомъ сильно грѣть прикрываемую ими воду. Нужно было быть въ нашемъ положеніи — людей, глаза которыхъ измучены однообразно сѣрымъ колоритомъ пустыни между Чекишляромъ и Дузь-Олумомъ или до крайности однообразнымъ очеркомъ печальныхъ, голыхъ глинистыхъ холмовъ около послѣдняго, чтобы понять, какое отрадное впечатлѣніе производила картинка этого милаго уголка.

Удовольствіе восполнялось еще возможностью выкупаться въ чистой, прохладной водѣ, чего намъ тоже давненько ужъ не приходилось испытывать, такъ какъ воды Сумбара и Чандыра не могутъ быть названы ни чистыми, ни прохладными.

Вполнѣ довольные вернулись мы на бивакъ безъ всякихъ охотничьихъ трофеевъ и, запримѣтивъ нѣсколько козъ, пасущихся не вдалекѣ въ стадѣ баранты, поторопились поймать и выдоить ихъ, чтобы полакомиться давно непробованнымъ молокомъ.

Гарнизонъ Ходжа-Кала былъ расположенъ на обрытой траншеей вершинѣ невысокаго обширнаго холмика, составляющаго вмѣстѣ съ прочими, расположенными недалеко, холмами какъ бы предгоріе Копеть-Дага. Изъ-подъ холмика вытекалъ родникъ. Истокъ родника съ внутренностью укрѣпленія соединялся траншеей, что давало гарнизону возможность во всякое время вполнѣ безопасно снабжать себя водой. Не смотря на чистоту ходжа-калинской воды и ея безукоризненно прѣсный вкусъ, она нѣсколько отзывала сѣроводородомъ, что, впрочемъ, вполнѣ устранялось кипяченіемъ.

Температура воды тотчасъ по выходѣ ея на свѣтъ Божій была настолько низка, что молоко, которое гарнизонъ надаивалъ у козъ, будучи поставлено въ бутылкахъ въ небольшой резервуарчикъ, вырытый у самаго истока родника, некисло очень долго, не смотря на высокую температуру воздуха. Не особенно чувствовался также и запахъ сѣроводорода, пока вода не успѣвала нагрѣться.

Спустившись къ роднику вечеромъ, когда было уже совершенно темно, я былъ пораженъ множествомъ искорокъ, быстро двигавшихся въ бассейнѣ. Искорки эти были ничто иное, какъ какія-то крошечныя фосфорическія насѣкомыя, по величинѣ своей днемъ почти совершенно незамѣтныя, но въ темнотѣ испускавшія довольно сильный голубоватый свѣтъ.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ къ востоку отъ ходжамъ-калинскаго укрѣпленія, на небольшой, обрытой канавкой, площадкѣ высятся чуть отдѣляющіеся отъ поверхности земли холмики, осыненные простыми деревянными крестами,—ходжа-калинское кладбище. Надписи трехъ могильныхъ крестовъ говорятъ, что въ числѣ прочихъ на этомъ клочкѣ земли, заброшенномъ въ глубину необозримыхъ пространствъ Средней Азіи, нашли свой послѣдній приютъ: уполномоченный главнаго общества Краснаго Креста врачъ Студитскій и казаки Иванъ Кучиръ и Лазарь Мосейко, убитые 21-го іюня въ бою съ текинцами въ Бендесенѣ.

Дойдя до Бендесена, мы первымъ дѣломъ отправились посмотреть мѣсто этого выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ геройскаго боя, въ которомъ 13 человѣкъ съ восьми часовъ утра и до четырехъ часовъ пополудни, т. е. въ продолженіе восьми часовъ, дрались противъ шайки текинцевъ силою около 300 человѣкъ, въ числѣ которыхъ многіе были вооружены винтовками Бердана, а остальные обыкновенными азіятскими ружьями съ сошками, пистолетами, и всѣ имѣли холодное оружіе.

Кровь на камняхъ, за которыми сидѣли казаки, 2—3 лошадиныхъ трупа, рваная папахъ, валявшаяся недалеко отъ мѣста боя, и клочки рваной одежды—вотъ все, что осталось къ нашему приходу на мѣстѣ боя. Надъ всѣмъ этимъ на сосѣдней вершинѣ высился простой деревянный крестъ, осынявшій могилу казака, смерть котораго и была собственно прологомъ разыгравшейся въ Бендесенѣ драмы.

19-го іюня подъ вечеръ изъ Бами въ Бендесенъ отправились казакъ 5-й сотни Таманскаго полка Коломiecъ и два джигита-туркмена; прискакали же въ Бендесенъ только туркмены, приведя съ

собой и лошадь Коломійца. По словамъ прискакавшихъ туркменъ, партіей текинцевъ была устроена на Бендесенскомъ перевалѣ засада, открывшая по нимъ огонь, причѣмъ и былъ убитъ Коломіецъ.

На перевалѣ тотчасъ же была двинута сотня казаковъ, которая хотя и не нашла на перевалѣ текинцевъ, но замѣтила тамъ нѣкоторые оставленные ими слѣды. Подобравъ трупъ Коломійца, сотня вернулась въ Бендесенъ, гдѣ убитый и былъ похороненъ на одной изъ близлежащихъ высотъ.

Когда о всемъ этомъ было доложено генералу Скобелеву, онъ почему-то недовѣрчиво отнесся къ присутствію текинцевъ на перевалѣ и, заподозривъ въ смерти казака ѣхавшихъ съ нимъ туркменъ, приказалъ арестовать ихъ, а для разъясненія дѣла—вскрыть трупъ Коломійца. Дѣло въ томъ, что джигиты были вооружены винтовками Крка, слѣдовательно, добывъ пулю, сидѣвшую въ трупѣ казака, сразу можно было выяснитъ, были-ли туркмены причастны къ его смерти, такъ какъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы какая нибудь винтовка Крка и попала въ руки текинцевъ и Коломіецъ былъ бы убитъ именно изъ этой винтовки, отлитая текинцами пуля во всякомъ случаѣ отличалась бы отъ нашей, такъ какъ первая навѣрно не имѣла бы желѣзной чашечки, которою снабжалась принятая для всѣхъ нашихъ шести-линейныхъ винтовокъ пуля Минье.

Это-то и было причиной, по которой приказано было вскрыть трупъ Коломійца, что было поручено доктору Студитскому. Около шести часовъ утра 21-го іюня Студитскій выѣхалъ изъ Баи къ Бендесену.

Въ тотъ же день и по тому же пути должна была отправиться рота самурцевъ, составлявшая часть гарнизона Ходжамъ-Кала и пришедшая въ Баи въ качествѣ прикрытія транспорта. Теперь эта рота снова возвращалась въ Ходжа-Кала, но Студитскій, имѣя конвой изъ двѣнадцати человѣкъ (десять казаковъ шестой сотни Таманскаго коннаго полка при урядникѣ и казакъ же вѣстовой самого Студитскаго), не считъ нужнымъ дожидаться выступленія роты, выѣхалъ раньше и около девяти часовъ утра былъ уже въ Бендесенѣ.

Спѣшивъ казаковъ у ручья при выходѣ изъ Бамійскаго ущелья въ долину Бендесена, докторъ съ двумя казаками поднялся къ бывшей на скатѣ высоты могилѣ Коломійца и, поставивъ на самой вершинѣ горы выше могилы часового для наблюденія мѣстности, приступилъ къ разрытію могилы. Казаку, выставленному въ качествѣ часового, весьма трудно было наблюдать мѣстность вслѣдствіе крайней пересѣченности ея, а восточный участокъ долины (дорога въ

Нухуръ), былъ и совершенно скрытъ отъ него, между тѣмъ какъ оставшіеся внизу казаки совершенно свободно могли обозрѣвать эту часть мѣстности.

Не успѣлъ докторъ приступить къ разрытію могилы, какъ раздавшіеся снизу изъ среды оставшихся тамъ казаковъ крики «текинцы!» заставили его бросить все и быстро сбѣжать внизъ. Здѣсь глазамъ его представились трое текинцевъ, которые, не замѣчая казаковъ, подѣхали къ нимъ со стороны Нухура (съ востока) почти вплотную и теперь, замѣтивъ свою оплошность, проворно удирали прочь отъ казаковъ. Сбѣсть на коней и погнаться за текинцами было дѣломъ одной минуты. Текинцы бросились на высоты и скрылись за переваломъ; докторъ съ казаками поскакали туда же и, прискакавъ на вершину перевала, на секунду остановились пораженные, — за переваломъ была масса текинцевъ. Обстоятельства перемѣнились сразу. Преслѣдователямъ самимъ пришлось пуститься наутекъ, а по пятамъ за ними погнались всей шайкой текинцы.

Внизу въ долину, на разстояніи приблизительно версты, виднѣлось нѣсколько глинобитныхъ башенъ, построенныхъ для защиты при такихъ именно обстоятельствахъ, въ какихъ находился теперь Студитскій съ казаками, т. е. при неожиданномъ появленіи сильнѣйшаго непріятеля и при невозможности скрыться отъ него въ какомъ-либо болѣе надежномъ убѣжищѣ.

Докторъ быстро сообразилъ, что, занявъ такую башню, 13 хорошо вооруженныхъ бойцовъ будутъ въ состояніи держаться противъ шайки, пока будетъ хоть одинъ патронъ, и направился къ башнѣ, предупредивъ объ этомъ казаковъ. Упустилъ только докторъ изъ вида, что на казачьихъ лошадяхъ на разстояніи версты отъ текинскихъ скакуновъ не усклещешь, и попробуй онъ привести свой планъ въ исполненіе — трагедія разыгралась бы скорѣй, чѣмъ разыгралась она въ послѣдствіи, и ни одинъ изъ русскихъ конечно ужъ не остался бы въ живыхъ. Но о чемъ не подумалъ докторъ, то быстро сообразилъ одинъ изъ казаковъ. «Не добѣжимъ (не доскачемъ) до башни», промолвилъ онъ: «въ гору бы, за камни».

Докторъ понялъ всю справедливость казацкаго замѣчанія относительно неравенства быстроты коней, а также и то, что возможность засѣсть на высотѣ за камнями была единственной надеждой на сколько-нибудь благопріятный исходъ дѣла.

«Ну, такъ за камни», проговорилъ онъ и, повернувъ лошадь, направился къ ближайшей высотѣ.

Казаки поскакали за докторомъ, а слѣдомъ снова неслась соот-

вѣтственно измѣнившая направленіе шайка. Не успѣли наши доскakatъ до подножія высоты и, бросивъ здѣсь лошадей, скрыться на самой высотѣ за камнями, какъ текинцы были ужъ совсѣмъ близко.

Пара залповъ дюжины берданокъ со стороны спѣшенныхъ казаковъ сразу охледила порывъ преслѣдователей. Три лошади упали подъ всадниками, нѣсколько человекъ закатались въ сѣдлахъ, и текинцы быстро очистили такое невыгодное для нихъ мѣсто, заскакавъ въ тутъ же начинающееся Бамійское ущелье, не забывъ однако предварительно переловить шарахнувшихся въ ихъ сторону казачьихъ лошадей.

Вольнѣй вздохнула горсточка смѣльчаковъ, но не долговъ былъ этотъ сомнительный отдыхъ. Къ востоку отъ занятой казаками вершинки отдѣляясь отъ нея небольшою сѣдловиной, высилась новая вершина. Двѣ другія вершинки, отдѣленные отъ казачьей оврагомъ съ крутыми скатами, были расположены къ сѣверу отъ позиціи казаковъ. Разстояніе отъ казаковъ до этихъ вершинъ было отъ 100 до 150 шаговъ, и вскорѣ всѣ эти вершинки были густо заняты спѣшившимися текинцами.

Съ обѣихъ сторонъ былъ открытъ огонь и пули часто защелкали по камнямъ кругомъ казаковъ. Одинъ изъ нихъ вскорѣ былъ раненъ въ щеку. Какое-то движеніе началось между текинцами, — казаки насторожились... Огонь непріятеля усилился, слышались крики, которыми текинцы ободряли другъ друга и вся масса ихъ сразу бросилась на казаковъ. Чаше зарокотали казачьи винтовки и на секунду все закуталось дымомъ. Атака была отбита.

Одинъ изъ текинцевъ подошелъ совсѣмъ вплотную къ казакамъ и былъ зарубленъ шашкой. Лихачъ этотъ былъ вооруженъ берданкой (одна изъ оставленныхъ подъ Геокъ-Тепе въ прошлую экспедицію), которая и досталась послѣ его смерти казакамъ. Крѣпко обрадовался докторъ неожиданно прибавившемуся ружью. Онъ давно ужъ разстрѣлялъ небольшой запасъ бывшихъ у него револьверныхъ патроновъ и долженъ былъ поневолѣ сидѣть сложа руки, — самое тягостное положеніе въ такихъ обстоятельствахъ.

Отбитые текинцы не отошли на старыя позиціи, а засѣли въ тридцати-сорока шагахъ отъ казаковъ, и къ граду пуль скоро присоединились десятки полетѣвшихъ въ казаковъ камней. Разстояніе было на столько мало, что можно было отлично разбирать отдѣльные слова, произносимыя противной стороной, и, пользуясь этимъ, текинцы начали покрикивать: «парапаль казакъ, гамазомъ парапаль» (погибли казаки, всѣ погибли).

Текинскія папахы то и дѣло мелькають изъ-за камней. Пристально слѣдить за ними докторъ, не замѣчая, что въ своемъ увлеченіи онъ слишкомъ открыто ставитъ себя подъ текинскіе выстрѣлы. Вотъ еще папаха показалась между камнями. Приложился докторъ, но выстрѣлить ужъ не пришлось. Загремѣла выпавшая изъ рукъ винтовка, а слѣдомъ за ней и самъ докторъ повалился между камнями.

Лебедкѣ пуля ключицу попортила, у Бердыша рука прострѣлена, Кучиръ въ щеку навyleтъ раненъ. Дудкѣ пуля въ пахъ попала и совсѣмъ казака съ горы сшибла, но онъ ползкомъ доташился до своихъ кверху, опять-таки за винтовку взялся и на ряду съ другими пострѣливаетъ. Не выпускають винтовокъ изъ рукъ и остальные раненые, — стрѣляютъ всѣ на ряду съ здоровыми.

Вторая пуля Кучиру въ пахъ попала и заставила таки казака винтовку изъ рукъ выпустить. Лежитъ онъ между камнями и внимательно слушаетъ, что у текинцевъ дѣлается. Чуть слышитъ, что у нихъ гдѣ нибудь шумъ усиливается, сейчасъ же и вниманіе казаковъ въ ту сторону направляетъ. Уговариваетъ ихъ тоже, чтобъ патроны поберегали, когда казаки слишкомъ ужъ стрѣльбой увлекаться начнутъ.

Крѣпко, крѣпко болятъ у казака раны, — мочи нѣтъ дольше выносить эту адскую боль. Собралъ онъ остатки своихъ силъ, побѣдилъ боль не надолго и во весь ростъ поднялся между камнями.

Повысовывались, глядя на него въ недоумѣніи, и текинцы, ждутъ что дальше будетъ, а казаку только этого и нужно было. Двѣ — три пули успѣлъ онъ пустить по торчащимъ между камнями головамъ, пока текинцы опомнились. Нѣсколько выстрѣловъ слились въ одинъ, и Кучиръ навсегда избавился отъ терзавшей его мучительной боли.

Вотъ Мосейко какъ-то нервно рванулся отъ камня, за которымъ лежалъ. Ты куда? окликнули его товарищи; глядь — а онъ ужъ и не дышетъ. Шелудько въ плечо навyleтъ раненъ, у Мовчана лицо и шея прострѣлены, да и изъ остальныхъ невредимымъ никого назвать нельзя, — всѣмъ порядочно отъ каменьева досталось.

Не одинъ часъ лежатъ казаки за камнями, — время давно ужъ за полдень перевалило и немилосердо жарко припекаетъ ихъ солнышко. Въ горлѣ и во рту отъ жажды совсѣмъ пересохло; языкъ едва повернуть можно, своего голоса никто не узнаетъ, — такъ непривычно-хрипло вырывается онъ изъ воспаленнаго горла.

Еще два раза пробовали текинцы до казаковъ добраться, но ни разу не удалось имъ сдѣлать этого, — отстрѣлялись казаки.

Но все это было повидимому лишь томительной отсрочкой неминуемаго конца и трудно было надѣяться отбиться, Проходить моментъ, другой, — ожидаемая атака не начинается. Мало того: самый огонь дѣлается слабѣе и слабѣе и наконецъ смолкаетъ совсѣмъ и, не вѣря себѣ, видятъ казаки, что вершины передъ ними очистились совершенно, а занимавшіе за секунду передъ тѣмъ эти вершины текинцы всѣ уже на коняхъ и быстро несутся въ Бамійское ущелье.

Еще минута, — и изъ ущелья доносятся до казаковъ громомъ разливающіеся по горамъ звуки отчетливыхъ, выдержанныхъ залповъ, сладкой музыкой отдающихся въ истомившихся душахъ бойцовъ. Залпы эти ясно говорятъ, что вмѣсто гибели наступила минута спасенія, что на выручку усталыхъ бойцовъ идетъ сила, съ которой текинцамъ не справиться.

Выступившая изъ Бами послѣ отъѣзда Студитскаго рота самурцевъ, дойдя съ пустыми верблюдами до перевала, рѣшилась воспользоваться случаемъ и нагрузить нѣсколько верблюдовъ нарубленными на перевалѣ дровами, тѣмъ и занялась.

Не смотря на близость перевала къ мѣсту происходившаго въ это время въ Бендесенѣ боя, звуки послѣдняго не достигали почему-то до перевала и, лишь покончивъ съ дровами и спустившись въ ущелье, самурцы почуяли, что впереди творится что-то неладное и, прибавивъ шага, пришли на помощь къ казакамъ, когда для послѣднихъ не было повидимому ужъ никакой надежды на спасеніе.

Замѣтивъ приближеніе транспорта, текинцы оставили въ покоѣ казаковъ и бросились въ ущелье, надѣясь тамъ повидимому чѣмъ нибудь поживиться, но встрѣтили тамъ ужъ не дюжину берданокъ и послѣ двухъ трехъ залповъ бросили всякую надежду на поживу, поторопясь проворно убраться по направленію къ Нухуру.

Было въ Бендесенскомъ дѣлѣ и одно обстоятельство характера до крайности загадочнаго. Суть въ томъ, что, по словамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ казаковъ, дравшимися противъ нихъ текинцами руководилъ не текинецъ же, а какая-то неизвѣстная личность на бѣлой лошади, въ бѣломъ лѣтнемъ пиджакѣ, и вдобавокъ ни слова, повидимому, не знающая по-татарски, такъ какъ, посылая текинцевъ въ атаку, руководившій ими человекъ давалъ для этого знакъ взмахами своей бѣлой шапки, не произнося при этомъ ни одного слова. Удалось ли собрать какія либо свѣдѣнія, служащія къ обнаруженію личности этого страннаго предводителя шайки, — не знаю. Таково происхожденіе трехъ могилъ ходжа-калинскаго кладбища,

куда были отвезены для погребенія убитые въ Бендесенѣ докторъ Студитскій и казаки Кучиръ и Мосейко.

Въ Баи мы пришли 9-го іюля. Мѣстомъ расположенія роты былъ назначенъ находящійся на лѣвомъ (сѣверномъ) флангѣ общаго расположенія войскъ бугоръ, на которомъ былъ устроенъ работавшій черезъ станцію Коджъ на Копеть-Дагъ съ Ходжамъ-Кала гелиографъ, отчего и самый бугоръ назывался Гелиографнымъ. Все же наше расположеніе вмѣстѣ съ Гелиографнымъ бугромъ вслѣдствіе обособленности отъ общаго расположенія войскъ приобрѣло въ послѣдствіи названіе Саперной слободки.

Трудно придумать болѣе удобопримѣнимое, изящное и простое рѣшеніе вопроса о передачѣ мыслей на разстояніе, какъ то, которое вылилось въ формѣ гелиографа.

На сколько изященъ и удобенъ легко переносимый и крайне доступный для употребленія гелиографъ, на столько же неуклюжи и не портативны лампы Шпаковского, предназначенныя для ночной передачи. Лампы эти для перевозки одной станціи требуютъ двухъ или трехъ лошадей, т. е. столько же, сколько нужно ихъ для горнаго орудія, и далеко не выкупаютъ своей неуклюжести удобствомъ и легкостью работы съ ними или отчетливостью сигнализациі. Не знаю, насколько серьезны были испытанія этихъ лампъ и какими условіями эти испытанія были обставлены, но во всякомъ случаѣ лампы эти требовали многихъ улучшеній, чтобы быть пригодными. Въ этомъ отношеніи гораздо практичнѣе, обыкновенная хорошая керосиновая лампа съ сильнымъ рефлекторомъ; по крайней мѣрѣ таковая не безъ пользы употреблялась въ минувшую турецкую кампанію для устройства сигнализационнаго сообщенія между расположенными на Муха-Эстате войсками ріонскаго отряда и высотой Якобесь-Тави, отстоящею отъ позиціи верстъ на пятнадцать-восемнадцать, съ которой можно было наблюдать за бывшимъ въ районѣ Батума турецкимъ флотомъ.

Лампа эта, воплиъ отвѣчая требованіямъ, нуждалась лишь въ одномъ человѣкѣ, а не въ цѣлой командѣ и лошадяхъ, какъ лампа Шпаковского. Можно надѣяться, что въ будущемъ не придется прибѣгать къ этой лампѣ въ виду быстрыхъ шаговъ, которыми идетъ впередъ электрическій свѣтъ, да даже усовершенствованія и обыкновенныхъ керосиновыхъ лампъ, которыя и въ настоящемъ ихъ видѣ могутъ служить для ночной сигнализациі, если сравнить ихъ съ вышеупомянутой муха-эстатской лампой, особенно если примѣнить къ нимъ параболическія зеркала.

Кромѣ гелиографа и лампъ, въ распоряженіи гелиографной команды были еще круглыя щиты, складывавшіеся въ видѣ вѣера.

Обращая эти щиты плоскостью или ребромъ къ данному пункту, можно было передавать туда требуемое сообщеніе. Щиты эти могли употребляться лишь на ограниченныхъ разстояніяхъ.

Придя въ Бами, мы застали лагерь почти пустымъ, такъ какъ изъ всѣхъ перевалившихъ черезъ Копетъ-Дагъ къ этому времени войскъ, въ количествѣ пяти ротъ пѣхоты, взвода саперъ, четырехъ сотенъ кавалеріи, двухъ батарей и конно-горнаго взвода, въ Бами въ моментъ нашего прихода было только двѣ роты пѣхоты, нѣсколько пушекъ, да горсть художонныхъ казаковъ. Всѣ остальные войска были впереди на обратномъ пути послѣ произведенной вплоть до стѣнъ самаго Геокъ-Тепе рекогносцировки.

На слѣдующій день послѣ нашего прихода въ Бами вернулась туда рекогносцировавшая колонна, пройдя въ теченіе десяти дней (съ 1-го по 10-е іюля) разстояніе до Геокъ-Тепе и обратно (около 200 верстъ), причемъ текинцы конечно и не пытались построить уходящимъ что либо похожее на золотые мосты.

Съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивали мы отъ возвратившихся товарищей эпопею этого славнаго и въ высокой степени отважнаго дѣла, при исполненіи котораго горсточка войскъ, не имѣющая достаточно близко позади себя какой либо вполне надежной точки опоры, совершенно потонула въ громадныхъ охватившихъ ее скопищахъ непріятеля и, не смотря на то, все-таки проникла до самаго важнаго оплота этого непріятеля и въ концѣ концовъ благополучно вынырнула изъ всего этого омута.

Каковъ бы ни былъ непріятель, подобное предпріятіе представляетъ вещь не совсѣмъ обыкновенную, а съ текинцами, лучшими бойцами всей Средней Азіи, окрыленными вдобавокъ уже разъ одержаннымъ серьезнымъ успѣхомъ, подобныя шутки можно было шутить лишь съ крайней осторожностью, да и то только въ виду настоятельной необходимости подобнаго отважнаго шага. И необходимость эта дѣйствительно существовала и была весьма настоятельна, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, время бездѣйствія текинцевъ миновало и они готовились произвести рядъ набѣговъ, въ чемъ нужно было предупредить ихъ, а попутно съ этимъ по возможности помѣшать имъ воспользоваться плодами урожая хлѣбовъ, уничтоживъ несобранные посѣвы на возможно большемъ пространствѣ.

Не малую роль между причинами этой рекогносцировки играло,

кажется, и личное желаніе генерала Скобелева самому поближе взглянуть на текинцевъ и средства ихъ обороны и этимъ провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ могъ получить отъ людей, раньше сталкивавшихся съ текинцами, а также и изъ другихъ источниковъ.

Вечеромъ 1-го іюля изъ Бами выступилъ отрядъ, въ составъ котораго вошли: три роты пѣхоты, взводъ саперъ, три сотни казаковъ (одна ракетная), четыре дальнобойныхъ орудія, два горныхъ орудія и четыре картечницы морской батареи. Недѣльный запасъ продовольствія былъ поднятъ на тринадцати фургонахъ, которые вмѣстѣ съ двумя повозками Краснаго Креста должны были служить и для возки могущихъ быть раненыхъ.

Въ Арчманъ, какъ и во время экспедиціи 1879 года, къ войскамъ вышли нухурцы съ кое-какими припасами, но предварительно колонна должна была отогнать отъ этого аула небольшую партію текинцевъ, потерявшую во время перестрѣлки нѣсколько человѣкъ убитыми.

Нухурцы повидимому были весьма рады приходу нашихъ войскъ, потому что еще до этого они просили принять какія либо мѣры, чтобъ оградить Нухуръ отъ текинцевъ, которые, на основаніи прошлыхъ примѣровъ, очевидно не могли относиться къ нухурцамъ довѣрчиво, и потому настойчиво требовали, чтобы нухурцы фактически перешли на ихъ сторону и, бросивъ свой аулъ, примкнули къ защитникамъ Геокъ-Тепе.

На слѣдующій день отрядъ двинулся дальше и, изо дня въ день подвигаясь впередъ и ежедневно имѣя легкія стычки съ небольшими партіями текинцевъ, 5-го утромъ достигъ Ягіенъ-Батырь-Кала — крѣпостцы, расположенной въ 10—12 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, т. е. на разстояніи досягаемости батарейныхъ дальнобойныхъ пушекъ.

Текинцы массами показались передъ крѣпостцой, но, удержанные огнемъ артилеріи, а также вѣроятно и въ предположеніи, что видятъ передъ собой лишь авангардъ значительныхъ русскихъ силъ, напасть на отрядъ не рѣшались. День прошелъ въ работахъ по приведенію позиціи въ оборонительное положеніе на случай нападенія текинцевъ; ночью мѣстность впереди расположенія войскъ была освѣщена кострами, но текинцы ничего рѣшительнаго не предприняли.

Раннимъ утромъ 6-го іюля отрядъ двинулся изъ Ягіенъ-Батырь-Кала, оставивъ здѣсь подъ небольшимъ прикрытіемъ весь обозъ, и направился къ расположенному южнѣе Геокъ-Тепе селенію Янгикала, занятому массами непріятеля. Артилерія открыла огонь по

крѣпости Геоукъ-Тепе, и по непріятелю, сдерживая этимъ огнемъ, къ которому присоединился и огонь пѣхоты, всѣ попытки противника перейти въ наступленіе.

Осмотрѣвъ южную и восточную части Геоукъ-Тепе генераль Скобелевъ приказалъ отступать, что и было исполнено въ большемъ порядкѣ, не смотря на массы насѣдавшего непріятеля, зарывавшагося въ своемъ преслѣдованіи до рукопашныхъ стычекъ съ прикрывающею отступление казачьей цѣпью.

Во время этой рекогносцировки офицеромъ корпуса топографовъ сдѣлана была съемка крѣпости и ея окрестностей, а саперы ради испытанія грунта получили приказаніе насыпать небольшую батарею. Грунтъ, какъ и повсемѣстно почти въ обитаемой части Закаспійскаго края, оказался состоящимъ изъ твердой глины, требовавшей значительнаго числа кирокъ.

Вечеръ 6-го и начало ночи съ 6-го на 7-е іюля прошли довольно покойно, но съ ранняго утра 7-го между текинцами началось сильное движеніе: слышались крики, которыми они ободряли другъ друга и призывали какого то Мурата. Войска встали въ ружье. Крики текинцевъ слышались то далеко, то приближаясь; порой они раздавались въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ, но рѣшительнаго текинцы все-таки ничего не предприняли, хотя соблюдавшія полнѣйшую тишину наши войска ничѣмъ не давали знать о своей готовности встрѣтить непріятеля. Легко впрочемъ можетъ случиться, что именно это-то грозное молчаніе бивака нашихъ войскъ и было главной причиной нерѣшительности дѣйствій непріятеля.

Съ разсвѣтомъ огонь артилеріи заставилъ текинцевъ удалиться окончательно и ограничиться одной перестрѣлкой, а затѣмъ началось и отступление рекогносцировавшей колонны, причемъ всѣ встрѣченные на пути запасы были уничтожены.

8-го колонна, никѣмъ не беспокоимая, прибыла въ Арчманъ и, простоявъ тамъ весь день 9-го іюля, 10-го прибыла обратно въ Бами, потерявъ за все это время 20 человекъ (17 раненыхъ и трое убитыхъ).

Потери текинцевъ за это время простирались, по полученнымъ свѣдѣніямъ, отъ полутора ста до двухъ сотъ человекъ, боевая же сила ихъ простиралась до 30,000 человекъ. Текма-Сардаръ, руководившій текинцами въ ночь съ 6-го на 7-е, достоверно узнавши впослѣдствіи силу рекогносцировавшей колонны и полное отсутствіе какихъ бы то ни было резервовъ, рвалъ съ отчаянія свою бороду и никакъ не могъ простить себѣ, что выпустилъ русскихъ цѣлыми и невредимыми. Вообще же на населеніе оазиса эта лихая

рекогносцировка временно произвела подавляющее впечатлѣніе. Стоустая молва разнесла слухъ о ней по всѣмъ базарамъ Средней Азіи, причемъ передавалось не о рекогносцировкѣ только, а о совершившемся будто-бы уже покореніи оазиса и о поголовномъ почти избіеніи не мало насолившихъ всѣмъ сосѣдямъ лакомыхъ до чужаго добра текинцевъ.

Вся эта удачная операція повидимому не заставила однако генерала Скобелева презрительно отнестись къ стоящимъ противъ насъ бойцамъ, да и послѣдніе, оправившись отъ перваго потрясенія, вскорѣ по мѣрѣ силъ и умѣнья начали понемногу отплачивать намъ за свою минутную нерѣшимость. Хотя оплата эта производилась иногда и единичными людьми, но этихъ единицъ было порядочно таки много, и предпріятія ихъ своей дерзостью и рискомъ поневолѣ приводили къ убѣжденію, что народъ, выставлявшій подобныхъ удалцовъ, не дастъ сломить себя безъ жестокаго и упорнаго сопротивленія.

Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги, возникавшей изъ того, что одиночные текинцы подползали къ постамъ сторожевой цѣпи, рубили при удачѣ людей и скрывались по большей части безнаказанно. Такъ, въ концѣ іюля, какъ разъ во время моего дежурства по лагерю, часовъ около 11-ти ночи, съ одного изъ передовыхъ постовъ, расположенныхъ къ сторонѣ Копеть-Дага (южная сторона лагеря), раздались крики, а затѣмъ и стрѣльба. Шагахъ въ 10—15 отъ расположенія поста проходила по направленію отъ Копеть-Дага къ лагерю оросительная канавка. Этой канавкой воспользовались двое какихъ то удалцовъ и, подъ покровомъ ночи, какъ тѣни подползли къ самому почти посту, бросились на него и, ранивъ одного изъ солдатъ, снова скрылись въ темнотѣ. Одинъ изъ нападавшихъ получилъ ударъ штыкомъ, что не помѣшало ему однако удрать, оставя за собой длинную кровавую дорожку, по которой утромъ довольно далеко можно было прослѣдить путь этихъ головорѣзовъ.

Около расположенія одного изъ постовъ на восточной сторонѣ лагеря валялось нѣсколько довольно крупныхъ камней, и унтеръ-офицеръ обратилъ вниманіе часоваго на эти камни, какъ на предметы, за однимъ изъ которыхъ отлично можетъ скрыться ползунъ. Солдату почему то вздумалось пересчитать камни, что онъ и сдѣлалъ. Наступила ночь. Часовой время отъ времени посматривалъ на свои камни и вдругъ разглядѣлъ камень, котораго раньше какъ будто и не было. Счетъ подтвердилъ, что однимъ камнемъ вдругъ стало больше, и заинтересованный солдатъ, подойдя къ прибавив-

шемуся камню, тихонько тронулъ его штыкомъ. Камень, быстро поднявшись съ земли, вдругъ превратился въ человѣческую фигуру, и смѣтливый солдатикъ совершенно неожиданно получилъ здоровенный ударъ прикладомъ пистолета по лбу, послѣ чего камень-текинецъ безнаказанно исчезъ въ темнотѣ.

Рота наша, какъ я раньше уже сказалъ, помѣщалась на самомъ лѣвомъ (сѣверномъ, ближайшемъ къ пескамъ Кара-Кумъ) флангѣ, на небольшой возвышенной сравнительно съ остальнымъ пространствомъ лагеря площадкѣ, служащей какъ бы пьедесталомъ Геліографному бугру. Площадка эта была обрыта легенькой траншеей.

Темною ночью одному изъ солдатъ понадобилось побывать за траншеей, и онъ, пройдя черезъ оставленный въ траншеѣ проходъ, началъ было спускаться съ возвышенности, какъ вдругъ почти отъ подошвы наружной крутости бруствера траншеи поднялась человѣческая фигура и стрѣлой пустилась къ пескамъ. Дали знать стоящимъ впереди постами, начали осматривать мѣстность, но, благодаря темнотѣ и множеству глубокихъ промоинъ, не нашли ничего и ограничились тщательнымъ всматриваніемъ въ темноту, такъ какъ текинецъ не проходилъ повидимому назадъ между постами. Прошло немало времени и все окончательно успокоилось и утихло; рѣшили уже, что ползунъ ушелъ восвояси, когда другой отправившійся за траншеею солдатъ ясно различилъ въ темнотѣ ночи ползущую у подошвы наружной крутости бруствера траншеи человѣческую фигуру. Солдатъ крикнулъ отъ неожиданности, а текинецъ снова исчезъ во мракѣ и болѣе уже не показывался. Осматривая поутру мѣсто, гдѣ въ одну ночь дважды побывалъ ползунъ, мы нашли старый дрянной гладкоствольный пистолетъ, который текинецъ очевидно обронилъ второпяхъ, когда его спугнули первый разъ и за которымъ, рискуя своей шкурой, онъ не побоялся приползти второй разъ на то же мѣсто.

Къ востоку отъ нашей траншеи, въ 10—20 шагахъ отъ подошвы возвышенности, на которой траншея была вырыта, протекалъ бѣгущій изъ Копеть-Дага черезъ весь лагерь ручей, теряющійся затѣмъ въ пескахъ. Около ручья, почти въ центрѣ лагеря, были вырыты два большихъ водоема, соединенныхъ съ ручейкомъ небольшими канавками и канавками же соединенныхъ съ ближайшей рытвиной, куда уходила протекавшая черезъ водоемы вода. Водоемы эти были вырыты для купанья: одинъ — для солдатъ, а другой — для офицеровъ; оба они были въ нѣсколькихъ шагахъ къ западу отъ ручья, изъ котораго наполнялись водой, а въ нѣсколькихъ шагахъ къ

востоку отъ того же ручья стояла одна изъ офицерскихъ кибитокъ 4-й батареи 20-й артилерійской бригады. Въ районѣ нашего расположенія, т. е. ниже по теченію этого же ручья, на берегу его была расположена ротная кухня и тутъ же въ палаткѣ проживали два кашевара, ружья которыхъ стояли не въ общихъ козлахъ, а тутъ же въ палаткѣ, около средняго шеста, продѣтыя штыками въ нарочно привязанныя къ шесту веревочныя петельки. Однажды утромъ неожиданно-негаданно оказалось, что одно изъ кашеварскихъ ружей исчезло ночью невѣдомо куда.

Къ сѣверу отъ расположенія нашей роты отведено было мѣсто для ночлега верблюжьихъ транспортовъ, и одинъ изъ транспортовъ ночевалъ здѣсь въ ночь пропажи ружья. Подозрѣніе въ кражѣ пало на киргизъ верблюдовожатыхъ, но всѣ распросы и розыски въ этомъ направленіи не привели ни къ чему и, не смотря на всю непривлекательность факта пропажи ружья изъ палатки, изъ-подъ носа, какъ говорится, его хозяина, пришлось довести объ этой пропажѣ до свѣдѣнія начальства, что и было сдѣлано. Новые розыски не привели также ни къ чему и ружье пришлось признать окончательно пропавшимъ, но дать какое-нибудь объясненіе всему этому было совершенно невозможно, и мы довольно долго оставались въ совершенномъ недоумѣніи относительно всего происшедшаго, пока совершенно нечаянный случай не открылъ неожиданно похитителя ружья и мѣста, гдѣ оно теперь было.

Всѣ свѣдѣнія относительно этого доставилъ намъ одинъ изъ нухурцевъ, которые въ это время завязали уже съ нами дѣятельныя торговыя сношенія, привозя въ лагерь прекрасный виноградъ, курагу (родъ сливы), яйца и кой-какіе молочные продукты. Упомянутый выше нухурецъ разсказалъ, что одинъ изъ жителей Нухура былъ недавно въ Геокъ-Тепе и при немъ пришелъ туда текинecъ съ русскимъ ружьемъ, которое текинecъ этотъ, по его словамъ, добылъ въ самомъ лагерѣ русскихъ. При этомъ удалецъ разсказалъ и всѣ подробности своего отчаяннаго предпріятія.

Такіе отдѣльные удалцы заставляли войска какъ слѣдуетъ относиться къ сторожевой службѣ и весьма убѣдительно напоминали войскамъ, что надо держать ухо востро, если желательно избѣгнуть непріятностей. Но текинцы далеко не ограничились выставленіемъ противъ насъ сравнительно безвредныхъ отдѣльныхъ бойцовъ. Въ ущельяхъ Копетъ-Дага, въ пескахъ Кара-Кумъ и даже на Атрекѣ появились значительныя шайки непріятеля, которыя затрудняли

сообщеніе и требовали принятія какихъ либо серьезныхъ мѣръ и по возможности въ непродолжительномъ времени.

Такими мѣрами явились: сформированіе охотничьей команды и занятіе войсками Бендесена, гдѣ команда охотниковъ и была расположена.

Такимъ образомъ наиболѣе подручная для партизанскихъ дѣйствій текинцевъ часть пути—путь по ущелью отъ Бами до Бендесена—являлся охраняемымъ съ обоихъ концовъ, и въ то же время лучше обезпечено было и лучше могло наблюдаться подгорное пространство къ западу отъ Бендесена до Ходжамъ-Кала и къ востоку отъ Бендесена, гдѣ до занятія послѣдняго пункта всегда могли появляться шайки текинцевъ, переходя Копеть-Дагъ около Бами къ востоку или западу отъ этого аула. Эти же охотничьи команды могли держать подъ своимъ надзоромъ прилежащія къ Бами окраины пустыни Кара-Кумъ и всегда своевременно знать о проникновеніи текинцевъ въ часть оазиса, лежащую къ западу отъ Бами, и по возможности мѣшать ихъ приходу туда. Этотъ вопросъ приобрѣталъ особо важное значеніе въ виду того, что налаживалось караванное движеніе между Бами и Красноводскомъ, и въ скоромъ времени главная часть жизненныхъ и боевыхъ запасовъ должна была начать двигаться къ намъ по этому новому пути.

Ущелья и долины самого Копеть-Дага также получили освѣщеніе и не могли уже служить ни надежнымъ пунктомъ отдохновенія шаякъ, ни укрытіемъ, благодаря которому, расположившись близъ мѣста проектированныхъ дѣйствій, текинцы могли бы выждать удобный моментъ для своего налета. Ясное дѣло, что охотники не могли одновременно расширить сферу своихъ дѣйствій далеко въ глубь пустыни и въ то же время быть въ каждомъ данномъ мѣстѣ Копеть-Дага. Вслѣдствіе того для текинцевъ являлось возможнымъ, двигаясь песками, обходить Бами и появляться на линіи Бами—Михайловскій заливъ, а равно и перевалить при удобномъ случаѣ Копеть-Дагъ, гдѣ-нибудь между Бами и Кизиль-Арватомъ, который былъ занятъ войсками въ видахъ большаго обезпеченія транспортнаго сообщенія. Для затрудненія движенія непріятельскихъ шаякъ по пескамъ зарыты были нѣкоторые изъ имѣющихся тамъ колодцевъ, и кромѣ того начальникъ охотничьей команды С. весьма интересовался вопросомъ о самовзрывныхъ фугасахъ,—по крайней мѣрѣ онъ не разъ спрашивалъ меня на счетъ этихъ фугасовъ и на вопросъ, зачѣмъ они ему понадобились, отвѣчалъ, что ему очень хотѣлось бы, оставивъ кой-какіе колодцы не засыпанными, окружить ихъ само-

взрывными фугасами. Онъ надѣялся, что неожиданные взрывы фугасовъ въ мѣстности, гдѣ нельзя было ожидать какихъ либо мѣръ со стороны русскихъ, произведутъ громадное впечатлѣніе на текинцевъ и заставятъ ихъ съ крайнимъ недоувѣріемъ смотрѣть на всѣ пути и мѣста, гдѣ они находятъ въ 'пескахъ покойный пріютъ, считая такія мѣста внѣ сферы дѣйствія русскихъ. Успѣлъ-ли С. привести свой планъ въ исполненіе — узнать мнѣ не удалось.

Не смотря однако на всѣ мѣры, направленные къ стѣсненію партизанскихъ дѣйствій текинцевъ, дѣйствія эти не могли быть парализованы окончательно и проявлялись то тутъ, то тамъ или въ формѣ производимыхъ непріятелемъ налетовъ на наши сообщенія, или въ формѣ набѣговъ на пункты, занятые войсками вдоль пути сообщенія.

Наиболѣе удачнымъ набѣгомъ для себя текинцы могутъ считать набѣгъ на Ходжамъ-Кала въ ночь съ 30-го на 31-е іюля, совершенный ими подъ руководствомъ Текма-сардаря.

Перекинувшись черезъ горы и окруживъ укрѣпленіе, текинцы имѣли повидимому намѣреніе и надежду вырѣзать, благодаря своимъ силамъ, ходжамъ-калинскій гарнизонъ. Убѣдившись однако, что это вовсе не легко и едва-ли имъ удастся, нападающіе ограничились тѣмъ, что похозяйничали въ ночевавшемъ около Ходжамъ-Кала транспортѣ торговцевъ, пробиравшихся въ Бами, и отогнали болѣе 500 головъ продовольственного скота.

Генералъ Скобелевъ за нѣсколько дней до нападенія на Ходжамъ-Кала выѣхалъ изъ Бами; оставшійся вмѣсто него полковникъ Вержбицкій во время самаго нападенія былъ съ частью бамійскаго гарнизона въ Арчманѣ, куда онъ отправился, во-первыхъ, для того, чтобы своимъ движеніемъ ободрить и попрочнѣе привязать къ намъ нухурцевъ, а во-вторыхъ, — чтобы заставить текинцевъ подумать, что наступило время движенія русскихъ впередъ и что главныя силы Ахала должны быть поэтому въ сборѣ и готовыми, т. е. что набѣги, раздробляющіе эти силы, должны быть оставлены.

Охотники изъ Бендесена тоже не могли предпринять что-либо противъ партіи Текмы, такъ какъ имъ было приказано двинуться въ Нухуръ одновременно съ выступленіемъ въ Арчманъ колонны полковника Вержбицкаго. Такое положеніе дѣлъ, съ одной стороны, не позволило полковнику Вержбицкому своевременно получить извѣстіе о нападеніи на Ходжамъ-Кала и своевременно же предпринять что либо противъ партіи Текмы-сардаря, а съ другой стороны и самого Текму заставило поторопиться направиться съ своей пар-

тій къ Геокъ-Тепе, такъ какъ движеніе полковника Вержбицкаго понято было Текмою въ желательномъ для насъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ начала наступленія русскихъ войскъ въ глубь оазиса.

Въ тылу на линіи Чекишляръ—Дузъ-Олумъ около этого времени также появились шайки текинцевъ и одно за другимъ начали приходить извѣстія о легкихъ стычкахъ съ непріятелемъ около Терсакана, Каракала, Дузъ-Олума и т. д. Стычки эти, не нанося намъ существеннаго вреда, очень ясно указывали, что впечатлѣніе, произведенное рекогносцировкой 6-го іюля, мало по малу изгладилось, и текинцы, оправившись, дѣятельно принялись тревожить насъ набѣгами мелкихъ шаякъ на разные пункты занимаемаго нами обширнаго раіона.

Пока все вышеупомянутое происходило въ краѣ, войска, расположенныя въ Бами, не складывая рукъ работали надъ разгрузкой и укладываніемъ въ бунты чуть не ежедневно привозимыхъ продовольственныхъ, боевыхъ и инженерныхъ запасовъ и принадлежностей и надъ усиленіемъ нашего расположенія въ фортификаціонномъ отношеніи.

Сейчасъ же вслѣдъ за занятіемъ Бами прибывшія туда войска возвели сомкнутое укрѣпленіе около крошечнаго, окруженнаго глинобитными стѣнами садика съ тремя, четырьмя большими деревьями. Въ садикѣ этомъ была поставлена кибитка генерала Скобелева, а войска заняли вышеупомянутое укрѣпленіе, которому дана была траншейная профиль. Къ линіи этой сомкнутой траншеи примкнуты были три люнета полевой профили, обращенные—одинъ къ выходу изъ ущелья, служащаго дорогой въ Бендесенъ, т. е. къ югу, другой къ пескамъ—къ сѣверу и третій къ пути нашего будущаго наступленія—къ востоку, къ сторонѣ Беурмы. Общая длина линіи огня этихъ укрѣпленій вмѣстѣ съ траншеей простиралась до 250 сажень; въ люнетахъ размѣщена была артилерія.

Наша рота, какъ раньше было уже упомянуто, по приходѣ въ Бами была поставлена отдѣльно къ сѣверу отъ общаго расположенія войскъ и окопала свою позицію на пьедесталѣ Геліографнаго бугра траншеей. Въ такомъ видѣ укрѣпленія Бами оставались до возвращенія войскъ изъ рекогносцировки, т. е. до 10-го іюля, послѣ чего приступлено было къ работамъ, которыя обратили бы Бами въ пунктъ, гдѣ могло быть сосредоточено до 6,000 человекъ при 75—80 орудіяхъ, до 10,000 снарядовъ, около 5.000,000 патроновъ, значительное количество пороха и динамита и около 1.000,000 пудовъ продовольственныхъ продуктовъ.

Съ цѣлью удовлетворить всему этому, на восточной сторонѣ общаго расположенія насыпано было три люнета, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ къ Копетъ-Дагу и обстрѣливалъ выходъ изъ бамійскаго ущелья, другой—противъ Беурмы и третій—на сѣверо-восточной сторонѣ лагеря, противъ самаго аула Бами.

Къ сѣверо-западу отъ расположенія первоначальнаго укрѣпленія и въ связи съ нимъ обрыта была траншеей четырехугольная площадь пространствомъ около 10,000 квадратныхъ сажень, предназначенная для интендантскаго склада, причемъ въ юго-западномъ углу этой площади ограничивающія ее траншеи замыкались люнетомъ съ линіей огня около 70-ти сажень. Въ промежуткѣ между этой площадью и Гелиографнымъ бугромъ обрытъ былъ круглый загонъ для скота и выстроена изъ булыжника баня, снабженная водой изъ протекающаго черезъ лагерь ручья посредствомъ небольшой канавки, входящей внутрь стѣнъ бани.

Въ районѣ расположенія саперной роты въ отлогостяхъ Гелиографнаго бугра вырыты были закрытыя помѣщенія для артиллерійскихъ припасовъ, патроновъ, пороха и динамита; тутъ же былъ расположенъ и инженерный паркъ.

Работы по укрѣпленію Бами, не смотря на не особенно большіе размѣры ихъ, заняли собою августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы, такъ какъ производились исключительно людьми саперной роты, высылаемыми на работы ежедневно въ количествѣ около 80-ти человѣкъ. Большаго числа рабочихъ рота выставить не могла, такъ какъ въ это же время ею выдѣлены были команды для работъ въ тылу и, кромѣ того, она вслѣдствіе нѣкоторой изолированности своего расположенія отъ остальныхъ войскъ должна была расходовать большое количество людей для несенія сторожевой службы, составляя ежедневно не менѣе пяти постовъ. Работы въ тылу состояли въ постройкѣ укрѣпленій въ Бендесенѣ и Терсаканѣ и въ усиленіи бендесенскаго и ходжамъ-калинскаго укрѣпленій расположеніемъ около нихъ камнеметныхъ фугасовъ.

Устройство этихъ фугасовъ предпринято было лишь послѣ того, какъ генераль Скобелевъ самъ удостовѣрился въ эффектности взрыва и обширности сферы дѣйствія камнеметовъ. Съ этою цѣлью отрытъ былъ малый фугасъ, снаряженный 10-ю фунтами пороха и 12-ю кубическими футами булыжника и взорванъ съ наступленіемъ темноты.

Присутствуя при взрывѣ фугаса и осмотрѣвъ утромъ слѣдующаго дня данный фугасомъ разлетъ камней, генераль Скобелевъ выразилъ удовольствіе по поводу того и другаго и приказалъ от-

рыть фугасы въ вышепоименованныхъ пунктахъ. Съ этою цѣлью утромъ 19-го августа, захвативъ съ собою боченокъ пороха для фугасовъ и фунтовъ около 20-ти динамита на случай какихъ либо другихъ подходящихъ работъ, я отправился вмѣстѣ съ колонной, выступавшей въ тотъ день изъ Бами, по направленію къ Бендесену.

Утромъ слѣдующаго дня, по пріѣздѣ въ Бендесенъ я съ той же колонной добрался до Ходжамъ-Кала и занялся тамъ устройствомъ фугасовъ и исправленіемъ дороги къ Маргизу. Послѣднее заключалось почти исключительно въ работахъ на перевалѣ около Ходжамъ-Кала. Рабочихъ давалось до крайности мало (8—10 человекъ) и если бы не динамитъ, помогавшій мнѣ осиливать крѣпкую горную породу, то эта работа могла бы продлиться безконечно долго.

Работы были очень не сложны, рабочихъ было мало и если представлялся нѣкоторый интересъ относительно приложенія къ дѣлу динамита, то и этотъ интересъ далеко не былъ значителенъ благодаря односторонности взрывовъ.

На сколько не разнообразна была наша жизнь, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что состоявшій при небольшомъ ходжамъ-калинскомъ лазаретѣ врачъ М. заинтересовался закладываемыми мною фугасами и, приобрѣтя отъ меня пригоршню пороха, дня три подрядъ развлекался, закладывая въ земляномъ полу своей кибитки миниатюрные фугасы, заряжая ихъ вмѣсто камней овсомъ и затѣмъ взрывая. Пригоршню пороха выпросилъ у меня и мѣстный комерсантъ, котораго текинцы немного потрепали во время своего нападенія на Ходжамъ-Кала; это заставило его перенести свою торговлю извнѣ укрѣпленія, гдѣ онъ расположился было на просторѣ, внутри его. Комерсантъ этотъ, въ видахъ самозащиты, обзавелся старымъ кремневымъ ружьемъ, но пороха не могъ достать ни зерна, и радости его не было предѣловъ, когда ему удалось получить отъ меня около $\frac{1}{2}$ -фунта этого драгоцѣннаго матеріала.

Время проходило довольно покойно, хотя, наученный фактомъ недавняго нападенія текинцевъ, ходжамъ-калинскій гарнизонъ держался очень осторожно, вслѣдствіе чего изрѣдка происходили вызванные чѣмъ нибудь подозрительнымъ тревоги, оканчивавшіяся обыкновенно ничѣмъ. Однажды только былъ раненъ вышедшій ночью за цѣпь казакъ, да поторопившійся вслѣдствіе этого выстрѣла перебраться черезъ брустверъ бывшій внѣ укрѣпленія солдатъ, неловко спрыгнувъ съ бруствера, переломилъ себѣ ногу.

Вслѣдствіе всего этого, по находящимся въ виду укрѣпленія кустамъ сдѣланъ былъ картечный выстрѣлъ, чѣмъ все и окончилъ.

лось. Поутру посланный съ сотней казачій офицеръ, осмотрѣвъ мѣстность, нашелъ много лошадиныхъ слѣдовъ, но откуда взялись они и были-ли эти слѣды оставлены въ ознаменовавшуюся тревогою ночь, — дѣло темное.

Въ это время въ Ходжамъ-Кала прибылъ Скобелевъ, отправлявшійся вторично осмотрѣть тылъ, въ чемъ ему первый разъ нѣсколько помѣшала проявленная текинцами наступательная дѣятельность въ видѣ набѣговъ. Около этого же времени расположенная на высотѣ Коджъ хребта Копетъ-Дагъ гелиографная станція, работавшая между Бами и Ходжамъ-Кала, была перенесена на другую вершину хребта — Раушъ и расположена такимъ образомъ, что въ сферу гелиографнаго сообщенія, кромѣ Бами и Ходжамъ-Кала, могъ быть введенъ еще и Кизиль-Арватъ черезъ расположенную близъ послѣднѣго промежуточную станцію.

Кромѣ работъ въ самомъ Ходжамъ-Кала и его окрестностяхъ, около полутора сутокъ было употреблено мною на расчистку колодезевъ, бывшихъ верстахъ въ 12-ти по направленію отъ Ходжамъ-Кала къ Маргизу. Колодцы эти, числомъ два, были засыпаны текинцами еще въ 1879 году и, будучи теперь расчищены, дѣлали до нѣкоторой степени болѣе удобопроходимымъ почти 50-ти-верстное разстояніе между Маргизомъ и Ходжамъ-Кала, на которомъ до этого не было ни капли воды, если не считать родниковъ Акиллы, бывшихъ верстахъ въ 6—7 въ сторонѣ отъ дороги. Всѣ встрѣчаемые въ краѣ колодцы построены по одному и тому же типу и представляютъ цилиндръ фута 3—4 въ діаметрѣ, проникающій въ глубь на 4—5 футъ ниже водоноснаго слоя. Нижняя часть цилиндра на высоту, нѣсколько превосходящую уровень набирающейся въ колодезь воды, одѣвается плетнемъ, а отверстіе колодца забирается накатникомъ, поверхъ котораго кладется слой хвороста и насыпается земля. Оставляемое для добыванія воды отверстіе бываетъ отъ фута до 1½ футъ въ діаметрѣ и соответствуетъ по своимъ размѣрамъ діаметру кожанаго ведра, употребляемаго кочевниками.

Вода въ очищенныхъ колодцахъ оказалась довольно вкусной послѣ того, какъ раза три была вычерпана изъ нихъ вся до капли.

Отрытіемъ колодезевъ были закончены работы въ Ходжамъ-Кала, послѣ чего пришлось перебраться въ Бендесенъ.

Въ Бендесенѣ, кромѣ устройства фугасовъ, я привелъ въ надлежащій видъ родникъ, изъ котораго пользовались водою, и произвелъ кой-какія работы по осушенію площадки, служившей мѣстомъ расположенія устроенному здѣсь верблюжьему лазарету.

Бендесенскій родникъ представляетъ собой явленіе довольно интересное и при нѣкоторыхъ средствахъ могъ бы служить источникомъ довольно значительной движущей силы и въ то же время могъ бы явиться въ видѣ оригинальнаго водоема, въ которомъ вода стоитъ не только выше уровня окружающаго мѣста, какъ въ полномъ стоящемъ на столѣ стаканѣ, но даже и переливается черезъ края своего вмѣстилища.

Шагахъ въ 20-ти—30-ти отъ бендесенскихъ высотъ въ самой долинѣ Бендесена расположенъ глубокій провалъ небольшого диаметра (два, три фута) съ торчащими съ боковъ его камнями. Изъ этого провала довольно сильно выливается вода, частью текущая на небольшое разстояніе въ видѣ теряющагося затѣмъ ручейка, но главнымъ образомъ разливающаяся по поверхности самой долины, образуя обширное болото, недалеко отъ одного изъ краевъ котораго и находится самый провалъ. Вслѣдствіе этого вытекающая изъ провала свѣжая вода смѣшивалась съ ранѣе вытекшей, наполнявшей болото и застоявшейся водой, насыщалась до нѣкоторой степени развивавшимся въ болотѣ сѣководородомъ и не особенно то хорошо отзывалась на желудкахъ потребителей.

По значительному количеству истекавшей изъ провала воды и быстротѣ самаго истеченія можно было заключить, что истоки этого родника лежатъ значительно выше самаго провала. Если это предположеніе было вѣрно и если вмѣстѣ съ тѣмъ для воды не было иного исхода на поверхность земли какъ указанный пунктъ, то, устроивъ вокругъ провала водонепроницаемую стѣнку, очевидно можно было заставить воду подняться выше мѣстнаго уровня долины, т. е. вполне изолировать ее отъ смѣшенія съ водой окружающаго болота.

Рѣшившись попытать улучшить воду этимъ именно приѣмомъ, заготовили предварительно около провала необходимое количество подручнаго матеріала—камня и тростника—для прокладки швовъ между камнями, а затѣмъ приступили и къ возведенію самой стѣнки кругомъ провала, сдѣлавъ ее въ $3\frac{1}{2}$ фута высотой и несомкнутой, чтобъ доставить временной выходъ водѣ, которая въ противномъ случаѣ могла бы помѣшать ходу работъ, еслибъ начала подниматься, будучи заперта сомкнутой стѣнкой.

Когда стѣнка была готова и проконопачена, къ ней присыпали кругомъ толщу земли около пяти футовъ, плотно утрамбованную, быстро задѣлали оставленное въ стѣнкѣ отверстіе, оставивъ для выхода воды лишь небольшой жолобъ въ верхнемъ краѣ стѣнки. Ра-

бота не была еще совершенно окончена, какъ вода поднялась уже наравнѣ съ краями своего новаго водоема и полилась по жолобу, причемъ качества ея очень быстро измѣнились къ лучшему.

Оставшееся болото могло быть совершенно осушено, что было бы далеко не бесполезно, такъ какъ въ силу необходимости верблюжій лазаретъ былъ расположенъ на насыщенной водою мѣстности, что очевидно не могло благоприятно вліять на леченіе верблюдовъ.

Неудобство это было настолько важно, что лазаретъ ради этого былъ переведенъ впослѣдствіи въ другой пунктъ, хотя въ изобиліи растущій около Бендесена тростникъ могъ служить отличнымъ мѣстомъ пастбы для поправляющихся верблюдовъ. Но осушеніе болота требовало отрывки канавы футовъ 5—6 глубиной, соотвѣтствующей ширины и около версты длиною, для чего бендесенскій гарнизонъ, при довольно тяжелой охранительной службѣ, не могъ выставить достаточнаго числа рабочихъ.

Въ виду неблагоприятныхъ послѣдствій, которыми отзывается на войскахъ продолжительное употребленіе сухарей, ведущее обыкновенно къ развитію желудочныхъ болѣзней, и безъ того весьма распространенныхъ въ войскахъ Закаспійскаго края благодаря дурнымъ качествамъ воды, въ особенности на линіи Чекишляръ-Бами,—генераль Скобелевъ настойчиво требовалъ, чтобы при малѣйшей возможности войска получали взаменъ сухарей муку и перепекали ее въ хлѣбъ. Въ силу этого вездѣ, гдѣ войска располагались на болѣе или менѣе продолжительное время, первымъ деломъ устраивались хлѣбопекарныя печи и начиналось печеніе хлѣба.

Въ Бендесенѣ, какъ пунктѣ лишь недавно занятомъ войсками, хлѣбопекарныхъ печей ко времени моего пріѣзда туда устроено не было,—этимъ дѣломъ предстояло еще заняться и первымъ дѣломъ позаботиться о кирпичѣ, такъ какъ вырытыя въ грунтъ и плетневые обмазанныя глиной печи не особенно удобны, да послѣднихъ, кромѣ того, и нельзя было приготовить въ Бендесенѣ, такъ какъ близко не было никакого хвороста.

Но за то верстахъ въ 6-ти къ востоку отъ Бендесена на одномъ изъ холмовъ, ограничивающихъ бендесенскую долину, стоялъ старый мавзолей, воздвигнутый надъ чьей-то могилой и сложенный изъ кирпича, которымъ комендантъ Бендесена и рѣшился воспользоваться для постройки печей. Раньше онъ хотѣлъ однако убѣдиться, стоитъ ли кирпичъ того, чтобы его выламывать и вьюками везти въ Бендесенъ, намѣреваясь въ противномъ случаѣ обратиться къ выдѣлкѣ сырца на мѣстѣ.

Посмотрѣть кирпичъ было поручено мнѣ и, воспользовавшись первымъ же случаемъ, когда въ окрестности могилы была отправлена команда за фуражемъ, который тамъ мѣстами попадался, я примкнулъ къ этой командѣ, а со мной вмѣстѣ отправился и врачъ М., переведенный къ тому времени изъ Ходжамъ-Кала. Онъ давно уже интересовался почему то упомянутой могилой и рѣшилъ разрыть ее.

Постройка была расположена на небольшомъ холмикѣ и имѣла весьма красивый видъ, представляя четырехугольное зданіе съ узкой стрѣльчатой дверью въ каждой изъ четырехъ стѣнъ. Стѣны на углахъ были нѣсколько утолщены и утолщенія эти служили пятами неглубокихъ арочекъ, выведенныхъ въ видѣ украшенія лицевыхъ сторонъ стѣнъ. Все это было покрыто лицеvidнымъ сводомъ, основаніе котораго не занимало всей толщины стѣнъ, и на образовавшихся такимъ образомъ промежуткамъ съ каждой стороны постройки въ видѣ продолженія стѣнъ ея выведенъ былъ рядъ тонкихъ высокихъ зубчиковъ, маскировавшихъ нижнюю часть свода, причемъ на всѣхъ четырехъ углахъ зубчики переходили въ равные съ ними по высотѣ четырехъ-угольные столбики, увѣнчанные острой четырехгранной пирамидой. Вся постройка снаружи и внутри была тщательно выштукатурена очень свѣтлой глиной и въ общемъ была очень легка, красива и нарядна. Внутри, посреди единственной комнаты, фута на три надъ поломъ, высился продолговатый надгробный камень, покрывавшій собою всю могилу и сложенный, подобно всей постройкѣ, изъ кирпича, съ тщательной наружной штукатуркой изъ той же свѣтлой глины.

Когда разобранъ былъ этотъ надгробный камень, который въ сущности оказался глинобитнымъ и только облицованнымъ съ боковъ и сверху однимъ рядомъ кирпича, подъ его основаніемъ, бывшимъ дюйма на три-четыре ниже уровня пола, обнаружился рядъ крупныхъ известковыхъ плитъ, швы между которыми были тщательно замазаны глиной. Подъ плитами оказался слой около шести дюймовъ толщиною, состоящій изъ мельчайшихъ стружекъ какого-то ароматическаго дерева, среди которыхъ виднѣлось нѣсколько ячменныхъ колосьевъ, а подъ стружками слѣдовалъ новый рядъ плитъ, покрывавшій уже самое помѣщеніе трупa, представлявшее сложенный изъ известняка четырехугольный ящикъ. Тлѣніе ничуть не коснулось покойника и онъ лежалъ весь цѣлехонекъ; но все, что было между кожей и костями, высохло въ тончайшую пленку, присохшую къ костямъ, такъ что въ общемъ трупъ имѣлъ видъ

скелета, туго обтянутого кожей, которая плотно пристала к черепу, не нося на себѣ никакого слѣда волосъ, по всему вѣроятію сбритыхъ. Описанный фактъ высыханія трупа, а не разложенія его, представляетъ въ Закаспійскомъ краѣ явленіе далеко не рѣдкое и повторяется часто даже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ сохранился открытый М. трупъ. Этотъ былъ зарытъ на довольно высокомъ глинистомъ холмѣ, гдѣ влага не могла проникнуть глубоко въ почву, и кромѣ того былъ прикрытъ еще постройкой, препятствующей могилѣ насыщаться дождевой водой. Такимъ образомъ, трупъ былъ совершенно предохраненъ отъ сырости, естественныя же жидкія составныя части его были, по всей вѣроятности, весьма скоро отняты лишенной влаги окружающей средой, что и повело къ обращенію трупа въ высохшую массу и къ сохраненію его.

Ничто подобное зачастую можно было встрѣчать и на поверхности земли, наталкиваясь на трупы павшихъ по дорогѣ верблюдовъ, которые, обыкновенно, не зарывались. Нѣтъ сомнѣнія, что разложеніе такихъ труповъ въ извѣстной, хотя и не особенно замѣтной степени, происходило, но палящее солнышко вело свое дѣло значительно быстрѣ разложенія и, высушивъ трупъ, прекращало всякое дальнѣйшее разрушеніе его гніеніемъ. Такому трупу, обыкновенно, довольно хорошо удавалось перенести время дождей, а лѣтомъ онъ снова быстро высыхалъ и окончательное разложеніе затягивалось такимъ образомъ на довольно долгое время, такъ что нѣкоторые трупы служили до нѣкоторой степени ориентировочными пунктами при разговорѣ о той или другой части пути.

Трупы животныхъ небольшихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, ищерицъ, высыхали значительно быстрѣ и значительно полнѣ крупныхъ труповъ, почему и сохраняться они могли значительно дольше.

Взорвавъ нѣсколько камней, которые дѣлали тропинку, ведущую на бендесенскую высоту, не совсѣмъ удобной даже для верховой ѣзды, я прикончилъ съ работами въ Бендесенѣ, такъ какъ главная задача моего пребыванія здѣсь—закладка фугасовъ—была выполнена въ первые же два дня пребыванія въ Бендесенѣ. Такимъ образомъ, съ первою же проходящей колонной я могъ снова возвратиться въ Баи, гдѣ въ это время были закончены всѣ почти подготовленія къ дальнѣйшему наступленію по оазису. Баиійскій продовольственный складъ не терялъ своего грандіознаго вида, не смотря даже на сосѣдство съ Копеть-Дагомъ, и при одномъ лишь

взглядъ на эти горы продовольствія являлась успокоительная мысль, что всякое «растягиваніе» хлѣба насущнаго стоитъ отъ насъ далеко.

Это не мѣшало однако подходить все новымъ и новымъ транспортамъ, увеличивавшимъ наши средства, хотя это увеличеніе и было уже незамѣтнымъ для глаза, такъ какъ содержимое каждого изъ новыхъ транспортовъ было лишь каплей, падавшей въ полную почти чашу. Такъ какъ всѣ спеціальныя наши работы въ Бами были уже прикончены, то явилась возможность привлечь и нашу роту къ раздѣленію невеселой обязанности сопровожденія транспортовъ, что, въ свою очередь, дало и намъ возможность побывать въ части оазиса къ западу отъ Бами, не далѣе впрочемъ Кизиль-Арвата. Мѣстность въ этомъ направленіи сравнительно съ окрестностями Бами не представляла ничего особеннаго. Та же ровная, потрескавшаяся отъ жары глинистая почва, тѣ же поля вездѣ, гдѣ изъ горъ бѣжить хоть крошечный ручеекъ, тѣ же башни на поляхъ и тѣ же мертвые, заброшенные теперь селенія, обнесенныя высокими глиняными стѣнами и построенныя изрѣдка на холмикахъ, появленіе которыхъ повидимому тоже произошло не безъ участія человѣка.

Самый Кизиль-Арватъ мало отличается отъ общаго типа поселеній и довольно богатъ водой. Войска занимали возведенное здѣсь укрѣпленіе, строителемъ котораго былъ самъ комендантъ его, морякъ капитанъ Зубовъ, поддерживавшій въ своемъ укрѣпленіи чистоту, напоминавшую чистоту военныхъ судовъ, въ чемъ всѣ другія мѣста расположенія войскъ далеко уступали Кизиль-Арвату.

Доведенный до Кизиль-Арвата транспортъ былъ послѣднимъ, который нашей ротѣ случилось сопровождать. Независимо отъ подвоза въ Бами продовольствія, значительная часть перевозочныхъ средствъ была удѣлена на доставку въ этотъ пунктъ спеціально боеваго снаряженія и предметовъ инженернаго парка. Количество перваго достигало до полутора съ лишнимъ миліона патроновъ и до двадцати почти тысячъ орудійныхъ снарядовъ и зарядовъ. Общее число инструмента въ инженерномъ паркѣ было около трехъ тысячъ и, кромѣ того, въ немъ же имѣлось до пяти тысячъ земляныхъ мѣшковъ и двѣнадцать ящиковъ динамита. Въ Бами же сосредоточивались и всѣ силы имѣющейся въ краѣ артилеріи, орудія которой снимались, за весьма малыми исключеніями, со всѣхъ тыльных постовъ и организовались въ батареи, получившія наименованіе подвижныхъ. Для доставки этой артилеріи въ Бами употреблялись лошади расположенной тамъ артилеріи, дальнѣйшее же движеніе подвижной артилеріи рѣшено было производить помощью упряж-

ныхъ верблюдовъ, для которыхъ была сшита и подходящая сбруя. Текинцы вели себя въ это время довольно смирно, и жизнь бамійскихъ войскъ была далека отъ чисто боевыхъ тревогъ, протекая преимущественно въ приготовленіи къ этимъ тревогамъ въ будущемъ.

Боевая готовность отряда приходила къ своему предѣлу со дня на день; подвезены и испробованы были, наконецъ, даже полупудовыя мортиры, примѣненія которыхъ возможно было ожидать лишь къ среднему и конечному періоду будущей осады.

Вмѣстѣ съ нѣсколькими мортирными выстрѣлами по внутренности бамійской калы, по стѣнамъ той же калы произведено было и нѣсколько выстрѣловъ изъ состоявшихъ въ морской батарее пушекъ Энгстрема. Пушки эти весьма малаго калибра, стрѣляютъ унитарными патронами и необычайно мѣткі.

Текинцы вели себя, какъ я сказалъ уже, довольно смирно, и лишь около половины ноября близъ Беурмы захвачены были въ башнѣ нѣсколько человекъ ихъ, да и тѣ попались благодаря тому, что не могли утерпѣть и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, безъ чего вѣроятно никто не обратилъ бы и вниманія на ихъ убѣжище.

Болѣе серьезное дѣло произошло въ это же время въ тылу Ба-ми, гдѣ текинцы пытались отбить нашъ двигавшійся между Углакомъ и Узунъ-су верблюжій транспортъ, что и успѣли было сдѣлать, еслибы прибывшая на мѣсто боя полусотня казаковъ не отбила верблюдовъ обратно. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась сверхъ 30-ти человекъ, болѣею частью убитыми; текинцы оставили до 50-ти тѣлъ на мѣстѣ, не считая тѣхъ, которыя имъ по всей вѣроятности удалось увезти съ собой.

Какъ ни медленно и однообразно тянулось время, но всякая проходящая минута говорила намъ, что недалекъ уже моментъ, когда кончится эта, такъ сказать, рабоче-подготовительная дѣятельность войскъ и наступитъ чисто боевой періодъ, который, впрочемъ, судя по осторожному, предусмотрительному приготовленію къ нему, обѣщаль, въ свою очередь, быть далеко не легкимъ и вполне оправдалъ въ послѣдствіи это обѣщаніе.

Наконецъ, желанный моментъ насталъ. Движеніе въ глубь оазиса должно было совершиться по двумъ направленіямъ: изъ Дузь-Олума, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, должна была двинуться часть сосредоточенной тамъ кавалеріи, которая до сихъ поръ была оттянута отъ передоваго расположенія войскъ въ видахъ большей трудности доставленія туда фуража. Колонна эта состояла изъ четырехъ сотенъ казаковъ, двухъ эскадроновъ драгунъ и кон-

но-горнаго взвода артилеріи; кромѣ того, для могущей потребоваться разработки пути, при ней былъ назначенъ саперный офицеръ, для устройства, въ случаѣ возможности, сообщенія съ другими войсками—геліографная станція и топографы для съемки проходимой мѣстности. Главная же масса войскъ должна была двинуться изъ Бами.

Отрядъ 24-го ноября выступилъ изъ Дузь-Олума и, пройдя нѣсколько верстъ вверхъ по Чандырю, направился къ Копеть-Дагу. Дорога шла по крайне пересѣченной мѣстности, требовавшей частой разработки, что весьма дурно отзывалось на скорости движенія и утомляло какъ людей, такъ и лошадей, не смотря на то въ первый же день движенія было пройдено болѣе 30-ти верстъ. Второй и третій дни движенія, благодаря болѣе сносной, не требовавшей почти никакой разработки дороги, были проведены съ меньшими затрудненіями и привели отрядъ къ самому Копеть-Дагу, черезъ который и предстояло перевалить на слѣдующій день, 27-го ноября. Въ эти три дня похода отрядъ сдѣлалъ около 90 верстъ. 27-го, отрядъ, шедшій до сихъ поръ въ одной колоннѣ, раздѣлился на авангардъ, подъ командою полковника Навроцкаго, въ составъ котораго (авангарда) вошли двѣ сотни и конно-горный взводъ артилеріи и главные силы, состоявшія изъ остальныхъ войскъ, подъ командою полковника князя Эристова, при которыхъ слѣдовалъ и генераль Скобелевъ.

Авангардъ выступилъ съ ночлега около шести часовъ, а два часа спустя, т. е. въ восемь часовъ, выступили и главные силы. Дорога представляла массу затрудненій, артилерію было совершенно невозможно двигать гужемъ и потому пришлось взять на вьюки. Прошло около четырехъ часовъ, раньше чѣмъ отрядъ достигъ противоположнаго склона Копеть-Дага и спустился въ одно изъ врѣзавшихся въ него ущелій. Движеніе по ущелью заняло еще около трехъ часовъ времени, пока, наконецъ, войска вошли въ оазисъ.

Текинцы рассчитывали, повидимому, что наступленіе нашихъ войскъ будетъ произведено исключительно изъ Бами, и нисколько не ждали появленія въ глубинѣ оазиса отряда со стороны Копеть-Дага. Только подобнымъ предположеніемъ можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что появившіяся въ три часа пополудни въ оазисѣ войска, дойдя къ десяти часамъ вечера, т. е. послѣ семичасоваго движенія по оазису, до карыза Нуръ-Верды-хана, нашли въ этомъ аулѣ большое стадо баранты, охраняемое лишь пастухами и нѣсколькими женщинами. Стадо было загнано на ночь въ калу, изъ которой, на

предложеніе отворить ворота, отвѣчали выстрѣлами. Ворота пришлось выломать, причемъ былъ раненъ одинъ изъ занимавшихся этимъ нижнихъ чиновъ; сопротивлявшіеся защитники калы были перебиты, а баранта захвачена.

Затѣмъ войска продолжали свое движеніе на Келяте, куда и прибыли около двухъ часовъ пополудни. Появленіе ихъ здѣсь было тоже совершенно неожиданно, почему и здѣсь удалось захватить значительное количество баранты, общее захваченное въ эту ночь количество которой простиралось до 6,000, не считая 100 слишкомъ головъ крупнаго рогатаго скота.

Ни во время пребыванія отряда у карыза Нуръ-Верды-хана, ни при занятіи Келате генерала Скобелева при отрядѣ не было, никто навѣрное не зналъ, гдѣ онъ и куда посылать ему донесенія о ходѣ дѣлъ. Лишь почти полсутокъ спустя по занятіи войсками Келяте, туда прибылъ и генераль Скобелевъ съ охотничьей командой поручика Варопанова. Оказалось, что задержанный разговоромъ съ нухурцами, онъ отсталъ отъ отряда при движеніи его съ мѣста послѣдняго своего бивака въ оазисъ, потерялъ всякіе слѣды отряда, почему послалъ одного изъ нухурцевъ розыскать и провести къ нему охотничью команду, что и было исполнено лишь къ утру, такъ что цѣлую ночь генераль Скобелевъ и человекъ 15—20 бывшихъ съ нимъ офицеровъ прибыли въ положеніи далеко не безопасномъ.

Выступленіе войскъ изъ Баи началось 26-го ноября колонною подполковника Гайдарова и продолжалось 27-го и 28-го ноября и 1-го декабря. Общее количество войскъ этихъ четырехъ колоннъ простиралось до 21-й роты, шести сотенъ и 27-ми орудій, причемъ наибольшее количество войскъ (девять ротъ, двѣ сотни и 19 орудій) приходилось на выступившую первую колонну подполковника Гайдарова. Колонна эта, какъ и всѣ послѣдующія, не встрѣтила при своемъ движеніи никакого сопротивленія со стороны текинцевъ и во время марша 28-го ноября получила приказаніе генерала Скобелева выдѣлить часть входящей въ нее пѣхоты для усиленія расположенныхъ въ Келяте войскъ, что и было исполнено выдѣленіемъ роты саперъ и роты пѣхоты съ полубатареею и сотнею казаковъ. Войска эти прибыли въ Келяте утромъ, а къ вечеру того же дня (29-го ноября) подошли къ Келяте и остальные войска полковника Гайдарова.

Войска двухъ слѣдующихъ колоннъ должны были построить укрѣпленія у Дуруна и Арчмана и оставить въ этихъ укрѣпленіяхъ гарнизоны изъ роты и двухъ орудій въ каждомъ. Для возведенія

указанныхъ укрѣпленій было назначено по саперному офицеру, снабженному необходимымъ количествомъ инструмента, взятаго изъ части инженернаго парка, который двинулся впередъ съ колонной полковника Гайдарова.

Мнѣ пришлось отправиться съ третьей колонной, въ составъ которой вошли четыре роты, шесть орудій, два изъ которыхъ должны были быть оставлены въ Арчманѣ, и двухъ сотенъ казаковъ. Движеніе нашей колонны нельзя было назвать очень скорымъ, такъ какъ при ней слѣдовалъ весьма-таки значительный верблюжій транспортъ. Верблюды шли частью подъ продовольствіемъ, а частью служили къ перевозкѣ артилерійскихъ зарядныхъ ящиковъ, въ которые были запряжены по три верблюда въ каждый. Эти то упряжные верблюды и тормозили главнымъ образомъ скорость нашего движенія. Пока мѣстность, по которой шла дорога, была совершенно ровная,—животныя довольно порядочно еще справлялись съ новой для нихъ обязанностью упряжныхъ животныхъ, но стоило встрѣтиться на дорогѣ чуть-чуть замѣтной лощинкѣ, на которую верблюдъ подъ вьюкомъ не обратилъ бы ровно никакого вниманія,—и вся тройка останавливалась какъ бы по заранѣе сдѣланному уговору, очевидно находясь въ полнѣйшемъ недоумѣніи относительно того рода усилій, которыя требовались въ данномъ случаѣ для движенія ящика.

Нельзя было, конечно, сомнѣваться, что послѣ нѣкотораго опыта животныя попривыкнутъ къ тягѣ и отлично будутъ справляться съ дѣломъ, для чего силъ у нихъ вполне достаточно, но во время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, этого опыта у нашихъ верблюдовъ, къ сожалѣнію, еще не было.

Такъ или иначе продвигаясь впередъ, мы все-таки вечеромъ 29-го ноября добрались до Арчмана, гдѣ колоннѣ была назначена дневка, не для отдыха, впрочемъ, а для того лишь, чтобы быть въ состояніи построить укрѣпленіе.

Ночью на постахъ задержали какихъ-то трехъ вооруженныхъ туркменъ, которыхъ начальникъ колонны рѣшилъ оставить въ лагерѣ до слѣдующаго дня, хотя тѣ и увѣряли, что они нухурцы. На слѣдующій день ихъ освободили, и они, бродя по биваку, зашли и къ намъ на работы. Всѣ три туркмена были вооружены ружьями и всѣ три ружья были совершенно различныхъ системъ. Наиболѣе совершенное ружье было пистонное, за нимъ слѣдовало кремневое и, наконецъ, фитильное, въ которомъ лежащій на полкѣ порохъ воспламенялся прикосновеніемъ заранѣе зажженной веревки, ущем-

ленной въ шипчики, замѣняющіе курокъ. Командиръ бывшей на работѣ роты, самъ оказавшійся впоследствии превосходнымъ стрѣльцомъ, предложилъ нухурцамъ показать свое искусство въ стрѣльбѣ, для чего шагахъ въ 70—80 была поставлена доска фута въ полтора шириною и фута $3\frac{1}{2}$ —4 высотой (крышка отъ ящика, въ которомъ возились кирки). Первымъ выступилъ на арену обладатель фитильнаго ружья. Набравъ, сколько казалось ему нужнымъ, камней, онъ устроилъ подставку для своего тяжелаго ружья, легъ на землю, подсыпалъ на полку пороха, зажегъ фитиль огнемъ, который къ этому времени обязательно помощью кремня и огнива выскѣкъ одинъ изъ его товарищей, и началъ цѣлиться. Долго и внимательно цѣлился онъ, пока, наконецъ, придавъ ружью то положеніе, которое, по мнѣнію стрѣлка, было надлежащимъ. Тогда онъ потянулъ за спускъ, вслѣдствіе чего горящій фитиль долженъ былъ коснуться насыпаннаго на полку пороха, но выстрѣла не послѣдовало. Оказалось, что, пока стрѣлокъ цѣлился, фитиль успѣлъ сгорѣть такъ много, что не доставалъ уже до пороха. Потребовалось исправить эту бѣду, но, попытавшись сдѣлать это, счастливый обладатель столь совершеннаго оружія уронилъ нагорѣвшій на фитиль пепель на полку, туда же упала вѣроятно вмѣстѣ съ пепломъ искра, и выстрѣлъ грянулъ, когда его никто не ожидалъ. Мишень, конечно, осталась стоять какъ стояла, но самъ стрѣлокъ отдѣлался менѣе дешево: лѣвая рука оказалась обожженной вспыхнувшимъ порохомъ, который попутно спалилъ еще и порядочный клочекъ бороды стрѣлка.

Не смотря на полнѣйшую неудачу пріятеля, а можетъ быть и въ расчетѣ на то, что при подобныхъ обстоятельствахъ и небольшой успѣхъ сойдетъ за порядочный, выступилъ къ состязанію обладатель кремневаго ружья. Сбирать камней ему не пришлось, такъ какъ ружье было снабжено невысокими сошками, и потому къ выстрѣлу онъ изготовился значительно проворнѣе, но цѣлился такъ же долго, какъ и его товарищъ. Наконецъ, выстрѣлъ грянулъ, мишень осталась цѣлехонька, стрѣлокъ же проворно прыгнулъ съ земли и еще проворнѣе, захвативъ полу халата, началъ вытирать ею кровь въ изобилии струившуюся изъ носа. Оказалось, что при отдачѣ ружье не ограничилось давленіемъ на плечо своего владѣльца, а пожелало распространить свое дѣйствіе еще и на его фізіономію, что и привело къ такимъ печальнымъ результатамъ.

Третій стрѣлокъ, съ наиболѣе совершеннымъ ружьемъ, отъ состязанія благоразумно уклонился. Тогда рѣшили показать свое

искусство и командиръ работавшей роты, для чего ему принесли бывшую у него турецкую магазинку, въ разсверленный патронникъ которой входили патроны Смитовскаго револьвера. Шагахъ во 100 за служившею нухурцамъ мишенью доской была поставлена бутылка изъ-подъ сельтерской воды, которая и разлетѣлась въ дребезги послѣ перваго же выстрѣла магазинки. Нухурцы только молча покачали головой.

Покончивъ съ постройкой въ Арчманѣ, колонна двинулась дальше, оставивъ гарнизономъ возведеннаго укрѣпленія роту при двухъ орудіяхъ. Слѣдующее укрѣпленіе было построено въ Дурунѣ, около имѣвшей тамъ мечети, причемъ укрѣпленіе это не было еще совершенно закончено къ тому времени, какъ въ Дурунъ прошла наша колонна. Вслѣдствіе этого я получилъ приказаніе отстать отъ колонны и заняться окончаніемъ дурунскаго укрѣпленія, причемъ мнѣ былъ оставленъ и весь захваченный съ собою колонною инструментъ; но верблюды, шедшіе подъ инструментомъ, не смотря на всѣ мои убѣжденія въ необходимости инструмента впереди, а слѣдовательно и необходимости для меня въ верблюдахъ, чтобы везти его дальше по окончаніи здѣсь работы, — были взяты и я остался безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго передвиженія.

Работа состояла главнымъ образомъ въ нѣкоторомъ увеличеніи размѣровъ бруствера, а главнымъ образомъ въ приспособленіи къ оборонѣ, вошедшей одной изъ своихъ стѣнъ въ фасъ укрѣпленія обширной и прочной мечети, которая могла служить редюнтомъ, способнымъ, при хорошей огневой оборонѣ, притупить когти какой угодно громадной партіи непріятеля. Работы были окончены, и тутъ же какъ разъ подоспѣла четвертая колонна двигающихся изъ Баи войскъ, при которой, между прочимъ, на отдѣленіи колеснаго транспорта слѣдовалъ инженерный паркъ. Моимъ двумъ ящикамъ съ инструментомъ и чемодану съ несложнымъ собственнымъ имуществомъ нашлось мѣсто на идущихъ при транспортѣ запасныхъ фургонахъ, и 4-го декабря я добрался до Келяте.

Передовой пунктъ расположенія нашихъ войскъ былъ въ это время въ занятомъ еще 30-го ноября селеніи Егень-Батырь-кала, въ 10—12 верстахъ отъ Геокъ-Тепе. Колонна полковника Гайдарова, выславъ предварительно часть своихъ войскъ въ помощь расположенной въ Келяте кавалеріи, раннимъ вечеромъ 29-го же прибыла къ этому же пункту, и генералъ Скобелевъ рѣшилъ съ имѣющимися у него войсками въ ту же ночь продвинуться дальше, въ глубь оазиса, и занять послѣднее передъ Геокъ-Тепе селеніе Егень-

Батырь-кала. Назначенныя для этого войска, въ составѣ 10-ти ротъ (рота саперъ, красноводская рота, команда охотниковъ, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я самурскія роты, 13-я, 14-я, 15-я апшеронскія роты), семи сотенъ и эскадроновъ и 21-го орудія, были раздѣлены на четыре колонны: капитана Баранка — двѣ роты; полковника князя Эристова — два эскадрона, 1 $\frac{1}{2}$ сотни и конно-горный взводъ; подполковника Навроцкаго — четыре роты, $\frac{1}{2}$ -батареи и $\frac{1}{2}$ -сотни, и полковника Гайдарова — четыре роты, $\frac{1}{2}$ -сотни и двѣ батареи.

Задачей первой колонны было поставлено отрѣзать Егень-Батырь-калу отъ Копетъ-Дага, для чего колонна эта и двинулась близъ подошвы послѣдняго; выступленіе ея назначено въ девять часовъ вечера. Вторая колонна, обойдя Егень-Батырь-калу по пескамъ съ сѣвера, должна была затѣмъ зайти въ тылъ селенія и, вставъ между послѣднимъ и Геокъ-Тепе, прервать всякое сообщеніе между ними. Третья и четвертая колонны направляются къ Егень-Батырь-кала: третья — въ часъ пополудни, а четвертая — въ восемь часовъ утра.

Занятіе Егень-Батырь-кала совершилось безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ аулъ совершенно не былъ занятъ непріятелемъ. Это движеніе нашихъ войскъ было на столько неожиданно для непріятеля, что текинцы не позаботились даже отогнать пасшееся между Егень-Батырь-кала и Геокъ-Тепе стадо тысячъ въ шесть баранты, которое и было захвачено колонной капитана Баранка. Допустивъ безпрепятственно занять Егень-Батырь-кала, текинцы утромъ охватили его со всѣхъ сторонъ лентою многочисленной конницы и заняли лежащій въ тылу Кара-карызь, что впрочемъ, не помѣшало движенію быстро прогнавшей непріятеля колонны полковника Гайдарова. Въ Келяте остался гарнизонъ изъ двухъ ротъ при четырехъ орудіяхъ. Егень-Батырь-кала получила названіе укрѣпленія Самурскаго».

4-го декабря колонна, съ которой мнѣ пришлось слѣдовать¹ изъ Дуруна, расположилась на ночлегъ въ Келяте, гдѣ въ это время циркулировали уже невѣдомо какъ донесшіеся туда слухи о томъ, что въ этотъ день подъ стѣнами Геокъ-Тепе что то произошло. Всѣмъ до такой степени хотѣлось узнать подробности происшедшаго, что бывшее въ этотъ день полное лунное затмѣніе не привлекло ничьего почти вниманія, вызвавъ лишь замѣчаніе, что текинцы, какъ магометане, по всей вѣроятности, считаютъ это не особенно благоприятнымъ для нихъ предзнаменованіемъ.

На слѣдующій день колонна наша пришла въ Самурское, гдѣ мы и узнали всѣ подробности бывшаго наканунѣ дѣла, оказавша-

гося весьма обстоятельной и смѣлой рекогносцировкой южнаго и западнаго фронтовъ Геокъ-Тепе.

Около шести часовъ утра, отрядъ изъ 10-ти ротъ (охотники, ширванцы, апшеронцы и саперы), трехъ сотенъ и 2¹/₂ батарей (подвижная, морская и 1¹/₂-бат. дальнобойной) направился на лежащую южнѣ Геокъ-Тепе Янгя-калу, которая, въ виду движенія нашихъ войскъ, была быстро занята вышедшими изъ крѣпости текинцами, впрочемъ быстро очистившими занятую ими западную окраину аула, когда противъ нихъ открытъ былъ артилерійскій и пѣхотный огонь. Затѣмъ войска двинулись къ сѣверу и, ставъ параллельно западному фронту крѣпости въ разстояніи отъ 1,500 до 2,000 шаговъ отъ него, открыли ружейный и артилерійскій огонь по занимавшему стѣны непріятелю, который сначала, весьма впрочемъ недолго, отвѣчалъ на этотъ огонь, но затѣмъ быстро очистилъ стѣны. Осмотрѣвъ фронтъ крѣпости, отрядъ началъ отступать сначала нѣкъмъ не преслѣдуемый, а затѣмъ вынужденный время отъ времени останавливаться и сдерживать огнемъ артилеріи опомнившихся и вышедшихъ вслѣдъ за отрядомъ изъ крѣпости конныхъ и пѣшихъ текинцевъ. Потери наши состояли изъ двухъ офицеровъ и 23-хъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ четверо были убиты.

Мнѣ удалось прибыть какъ разъ къ началу работъ по приведенію Самурскаго въ оборонительное положеніе, которыя особаго интереса не представляли и состояли въ возведеніи траншеи, охватывающей сѣверную, восточную и часть южной окраины селенія. Въ сѣверо и юго-восточныхъ углахъ сходящіяся траншеи примыкали къ люнетамъ съ барбетами на одно и на два орудія, на люнетъ же съ тремя барбетами опиралась и траншея сѣвернаго фаса своею западною оконечностью. Общая линія огня этихъ укрѣпленій простиралась до 500 сажень. Кромѣ того, возведены были люнеты на двухъ холмикахъ, лежащихъ къ югу отъ Самурскаго, въ разстояніи 60—70 сажень къ сторонѣ Копетъ-Дага.

Значительно болѣе интереса представляли опыты, предпринятые для выясненія разрушительнаго дѣйствія динамита на глинобитныя стѣны, опыты по пробитію этихъ стѣнъ въ ручную и опыты, предпринятые съ цѣлью выясненія степени возможности веденія неодѣтыхъ минныхъ галерей въ глинистомъ грунтѣ оазиса, равно какъ и для выясненія успѣха этой работы. Первымъ предметомъ для опытовъ съ динамитомъ была избрана круглая глинобитная башня со стѣнкою въ 3 фута толщиною при основаніи. Для помѣщенія перваго заряда динамита, вѣсомъ около 2¹/₂ фунтовъ, въ стѣнѣ была

выбита камера на высотѣ $1\frac{1}{2}$ фута отъ горизонта. Взрывъ расположеннаго такимъ образомъ заряда произвелъ въ стѣнѣ башни брешь около 4-хъ квадратныхъ футъ. Связь стѣны вокругъ бреша была въ значительной степени нарушена, такъ что большіе куски глины безъ труда выламывались безъ всякаго инструмента, прямо руками. Затѣмъ въ камеры у основанія башни, съ нѣкоторымъ пониженіемъ подъ горизонтъ, заложены были три заряда, около 3-хъ фунтовъ каждый, при разстояніи между крайними зарядами въ $4\frac{1}{2}$ фута и среднимъ зарядомъ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ фута отъ одного изъ крайнихъ. Заряды были соединены въ цѣпь. Одинъ изъ проводниковъ былъ приращенъ къ машинкѣ, а другой—просто лежалъ еще на землѣ, т. е. цѣпь была повидимому еще разомкнута, когда бывшему у машинки поручику Сандецкому вздумалось зачѣмъ то повернуть рукоятку машинки. Раздался взрывъ.

Какимъ образомъ цѣпь оказалась замкнутой—объяснить не берусь, но въ результатѣ оказалось, что ближайшій къ среднему крайній зарядъ взорвался и произвелъ въ башнѣ обвалъ около сажени по ея окружности; средний зарядъ сгорѣлъ безъ взрыва, а другой, крайній, остался совершенно цѣлымъ. Перемѣщенный въ новую камеру въ разстояніи приблизительно 6 футъ отъ бывшаго расположенія противоположнаго, крайняго, взорвавшагося заряда, зарядъ этотъ при взрывѣ произвелъ обвалъ около 4 футъ, занявшій вмѣстѣ съ первымъ обваломъ половину всей окружности башни. Затѣмъ заложены были два заряда динамита, около 9 фунтовъ вѣсомъ каждый, и каждый въ разстояніи сажени отъ образуемаго стѣнками угла. Заряды эти были положены подъ стѣны калыкарыза Нуръ-Верды-хана, въ камеры, выбитыя въ стѣнахъ близъ горизонта земли и углублявшіяся въ стѣны на $1\frac{1}{2}$ фута.

Соединенные въ переплетъ заряды при взрывѣ пробили въ углѣ брешь, обрушивъ обѣ стѣнки. Ширина бреша простиралась до 11 футъ при 5 футахъ высоты, равномъ утроенной высотѣ наружномъ заложеніи и равномъ высотѣ внутреннемъ заложеніи. Толщина стѣны у основанія достигала до 5 футъ при 15 футахъ высоты и 1 футъ толщины по верху. Хотя по своей пологости брешь и была удобовосходимой, но этому въ значительной степени мѣшали большіе размѣры осколковъ, на которые стѣна разрушилась. Затѣмъ минной командой моряковъ произведены были опыты приложенія къ разрушенію тѣхъ же стѣнъ пироксилина, который былъ заложень въ количествѣ около 6 фунтовъ въ камеру, около $1\frac{1}{2}$ фута глубиною, на высотѣ 5 футъ отъ горизонта, гдѣ стѣна достигала бо-

лѣе $3\frac{1}{2}$ футъ толщины. Дѣйствіе взрыва направилось главнымъ образомъ въ сторону стѣны противоположную той, съ которой была пробита камера, такъ какъ размѣры пролома съ этой стороны достигали $5\frac{1}{2}$ футъ ширины при такой же высотѣ, между тѣмъ какъ ширина пролома со стороны камеры была всего въ $4\frac{1}{2}$ фута при $3\frac{1}{2}$ футахъ высоты.

Подъ этотъ проломъ заложено было около 2-хъ фунтовъ динамита на высотѣ $1\frac{1}{2}$ фута отъ горизонта и ближе къ одному изъ боковъ пролома. Взрывъ динамита не произвелъ въ данномъ случаѣ сквознаго пролома, обрушивъ стѣнку лишь до половины ея толщины. Такое неудачное дѣйствіе взрыва можетъ быть, по всей вѣроятности, объяснено до нѣкоторой степени тѣмъ, что взрывъ произошелъ въ средѣ, разрыхленной уже предъидущимъ дѣйствіемъ пироксилина, вслѣдствіе чего для выхода газовъ было весьма много путей. Эти опыты доказали возможность съ пользою примѣнить динамитъ и пироксилинъ для производства небольшихъ проломовъ въ не толстыхъ глинобитныхъ стѣнахъ, но въ какой степени этотъ же самый динамитъ могъ быть примѣненъ нами впослѣдствіи для производства обширной бреши въ преградѣ, насколько было извѣстно— совершенно иной конструкціи, осталось дѣломъ нерѣшеннымъ. Главныя и исключительныя надежды возлагались вслѣдствіе этого на испытанный уже не разъ въ данномъ направленіи порохъ, почему и приступили къ производству опытовъ, выясняющихъ большую или меньшую возможность проведенія требуемыхъ манипуляцій при закладкѣ снаряженныхъ порохомъ горновъ. Такъ какъ легко могло случиться, что обстоятельства вынудятъ отказаться отъ веденія минной галереи съ болѣе или менѣе дальняго разстоянія и заставить, занявши ровъ и прикрывшись легкимъ блиндажемъ, приступить прямо къ работамъ, начинающимся у эскарпа, прикрытымъ хорошей стрѣлковой цѣпью, расположенной на ближайшей къ крѣпости позиціи и расположенными во рву вправо и влѣво отъ мѣста работъ охотниками, то рѣшено было произвести опытъ и относительно скорости пробитія глинобитныхъ стѣнъ, такъ какъ тогда полагали еще, что глинобитныя одежды спускаются въ Геокъ-Тепе вплоть до дна рва. Съ указанной цѣлью приступлено было къ пробитію стѣнъ калыкарыза Нуръ-Верды-хана, что и было исполнено въ двухъ мѣстахъ, причемъ для пробитія каждаго отверстія въ $3\frac{1}{2}$ фута вышины и $2\frac{1}{2}$ фута въ свѣту, при толщинѣ стѣны на средней высотѣ отверстія въ 5 футъ, потребовалось съ и 20 минутъ.

Чтобы испытать прочность и вязкость грунта на случай веде-

нія въ немъ неодѣтыхъ минныхъ галерей и скорость движенія подобныхъ галерей со дна рва той же калы поведены были двѣ галереи такихъ же поперечныхъ размѣровъ, какъ и указанная выше отверстія въ стѣнахъ. Галереи были начаты въ разстояніи 25-ти футовъ другъ отъ друга и черезъ три часа продвинулись впередъ на 30 футъ каждая, т. е. двигались среднимъ числомъ по 4 съ лишнимъ фута въ часъ. Такая большая скорость, кромѣ отсутствія одежды, въ значительной степени зависѣла еще и отъ незначительной сравнительно длины самихъ галерей, что дѣлало удаленіе изъ нихъ отрываемой земли весьма легкимъ и скорымъ, притокъ свѣжаго воздуха извнѣ вполне достаточнымъ, а слѣдовательно и работу не весьма быстро утомляющею, какъ то обыкновенно бываетъ при работѣ въ небогатомъ кислородомъ воздухѣ длинныхъ минныхъ галерей. Такимъ образомъ на приведенныя выше цифры успѣха работы полагаться было совершенно немислимо, да и правду сказать — не эти цифры главнымъ образомъ и интересовали насъ, а главный вопросъ состоялъ въ томъ, возможно-ли веденіе минныхъ галерей безъ одежды, которою было весьма трудно запастись въ нашемъ положеніи. Вопросъ этотъ разрѣшился въ смыслѣ совершенно утвердительномъ, въ пользу чего говорилъ и находящійся недалеко отъ мѣста производства работъ карызъ, объ устройствѣ котораго я говорилъ уже раньше.

Кромѣ этихъ нѣсколько мирныхъ занятій, не было у насъ недостатка и въ чисто боевой дѣятельности, какою являлись производимыя по направленію къ Геокъ-Тепе рекогносцировки. Первая (послѣ рекогносцировки 4-го декабря) изъ этихъ рекогносцировокъ предпринята была 11-го декабря и была вызвана какимъ то происшедшимъ у текинцевъ движеніемъ и переполохомъ, замѣченными бывшими недалеко отъ крѣпости джигитами-туркменами. Для разъясненія причины этого организована была рекогносцировочная колонна, въ составъ которой вошли шесть ротъ, полторы сотни, четыре дальнобойныхъ орудія и двѣ картечницы морской батареи. Въ пять часовъ пополудни пѣхота и артилерія, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости, присоединились къ вышедшей раньше ихъ кавалеріи.

На стѣнахъ крѣпости, по которой артилерія открыла огонь, виднѣлась масса народа; масса же конницы и сопровождавшей ее пѣхоты вышли изъ крѣпости на встрѣчу нашимъ войскамъ. Пѣхота встрѣтила насѣдавшего непріятеля сильнымъ огнемъ, на который текинцы отвѣчали тоже съ большею противъ обыкновенія силой, сопровождая свою стрѣльбу криками, что они теперь ужъ совер-

шенно такъ не бояться насъ, такъ какъ къ нимъ пришло много народа изъ Мерва, что намъ навѣрное не сдобровать и чтобы мы оставили и думать о мирѣ. При отступленіи текинцы не преслѣдовали отрядъ, и онъ безъ потерь вернулся, когда было уже темно.

На слѣдующій день, 12-го декабря, предпринята была новая рекогносцировка отрядомъ изъ четырехъ ротъ, дальнобойной полубатареи, двухъ картежницъ морской батареи и сотни казаковъ. Непріятель встрѣтилъ отрядъ, верстахъ въ двухъ отъ крѣпости, въ такихъ значительныхъ силахъ, въ какихъ этого еще не случалось, и потому изъ Самурскаго гелиограмою вызвано было подкрѣпленіе изъ трехъ ротъ, полсотни казаковъ и двухъ картежницъ, которое и двинулось на встрѣчу нашимъ отступающимъ войскамъ

Между рекогносцировками и работами войска время отъ времени производили еще и ученья, направленные главнымъ образомъ къ ознакомленію войскъ съ штурмомъ обваловъ. Объектомъ такихъ упражненій служилъ обыкновенно обвалъ, произведенный въ калѣ при описанныхъ выше опытахъ съ динамитомъ, вслѣдъ за которыми тогда же было произведено и первое подобное ученье. Кромѣ того, войска исподволь приготавливали для себя штурмовыя лѣстницы и учились при помощи ихъ штурмовать стѣны. При крайнемъ недостаткѣ въ матеріалѣ лѣстницы были не длинны, неуклюжи и тяжелы, что не мѣшало имъ сослужить въ свое время требуемую отъ нихъ службу.

15-го декабря въ Самурское пришли войска туркестанскаго отряда, начальникъ котораго, полковникъ Куропаткинъ, прибылъ сюда ранѣе. Съ приходомъ ихъ силы наши возрасли на три роты пѣхоты, не считая прибавившейся еще охотничьей команды, на двѣ сотни кавалеріи и два горныхъ орудія.

Наступало время дальнѣйшаго движенія, назначеннаго на 20-е декабря. Въ войска былъ розданъ планъ крѣпости и ея окрестностей, составленный на основаніи добытыхъ рекогносцировками данныхъ. 18-го декабря изъ Самурскаго выступилъ по направленію къ крѣпости отрядъ, состоящій изъ пяти сотенъ казаковъ и ракетной команды, подъ прикрытіемъ котораго генералы Скобелевъ и Анненковъ и всѣ начальники отдѣльныхъ частей должны были послѣдній разъ осмотрѣть непріятельское расположеніе и, кромѣ того, начальники частей должны были на мѣстѣ получить отъ генерала Скобелева указанія относительно предстоящаго дѣла, цѣлью котораго было занятіе Янги-Кала—послѣдняго главнаго этапа по пути къ крѣпости Геокъ-Тепе. Въ часть дня отрядъ высту-

пилъ изъ Самурскаго и быстро началъ продвигаться къ Янги-Кала, не доѣзжая до котораго верстъ четырехъ отрядъ былъ остановленъ около вала-аквадука, съ котораго и предстояло осмотрѣть лежащую впереди мѣстность и самое Янги-Кала. Непріятель, не сразу замѣтившій движеніе отряда, началъ къ этому времени занимать Янги-Кала. На аквадукъ была прочтена диспозиція предстоящаго дѣла и даны разъясненія для дѣйствій отдѣльнымъ начальникамъ, послѣ чего, для болѣе подробнаго осмотра мѣста предстоящихъ дѣйствій, отрядъ продвинулся еще нѣсколько впередъ. Затѣмъ отрядъ началъ отступать, преслѣдуемый насѣдавшею непріятельскою кавалеріею, что и продолжалось до тѣхъ поръ, пока вышедшая на встрѣчу часть туркестанскихъ войскъ не прогнала текинцевъ огнемъ. Генераль Анненковъ во время этой рекогносцировки былъ раненъ въ руку.

Раньше чѣмъ продолжать описаніе дальнѣйшаго хода дѣйствій, вернусь нѣсколько назадъ, къ одному изъ эпизодовъ, связанныхъ съ приходомъ къ намъ туркестанскихъ войскъ.

Генералу Скобелеву необходимо нужно было, повидимому, сообщить нѣчто полковнику Куропаткину раньше движенія послѣдняго черезъ отдѣлявшую его отъ насъ пустыню. Доставить требуемое извѣстіе вызвался Таманскаго полка хорунжій Стеценко, въ ночь на 1-е ноября выѣхавшій съ этою цѣлью изъ Дузь-Олума въ Кизиль-Арватъ съ тѣмъ, чтобы изъ этого пункта двинуться дальше въ пустыню. Проводниками служили четыре киргиза, репутація которыхъ въ краѣ была, повидимому, не совсѣмъ безупречна; по словамъ Стеценко, по крайней мѣрѣ, проводники его по-просту смахивали на разбойниковъ, и онъ крѣпко подозрѣвалъ, что на самомъ дѣлѣ они таковы и были. Передневавъ въ Кизиль-Арватъ и получивъ здѣсь бурдюки, фуражъ и двухъ барановъ, Стеценко двинулся дальше.

За себя проводники его, повидимому, не особенно-то опасались въ случаѣ какой-либо встрѣчи, но встрѣча эта могла кончиться весьма дурно для ихъ спутника, почему тотъ и былъ преображенъ въ киргиза, а чтобы лицо и неумѣнье говорить по-киргизски не испортили всего дѣла, онъ преобразился не просто въ киргиза, а въ киргиза больнаго, который, во избѣжаніе вредныхъ атмосферическихъ вліяній, былъ закутанъ до копчика носа и совершенно не могъ говорить отъ слабости. Такимъ образомъ двигался онъ, пока не миновала опасность встрѣчъ съ текинцами, послѣ чего маскарадъ кончился.

Кромѣ верховыхъ лошадей, у Стеценко было еще восемь лоша-

дей подъ необходимыми вьюками. Около колодцевъ Игды путники натолкнулись на кочевавшихъ тамъ текинцевъ, которыхъ благополучно миновали и недалеко отъ которыхъ остановились ночевать.

Къ вечеру 7-го ноября, черезъ три дня по выходѣ изъ Кизиль-Арвата, положеніе путниковъ было таково: движеніе продолжалось пѣшкомъ, такъ какъ ослабѣвшія отъ голода и жажды лошади еле могли передвигать сами себя, почему все, что можно было бросить, было уже брошено. Остатки воды были раздѣлены между путниками, и киргизы, нимало не задумываясь, выпили все, что приходилось на ихъ долю, такъ что оставалась только доля Стеценко.

Проводники отказались отъ всякихъ попытокъ опредѣлить свое настоящее мѣстоположеніе, равно какъ отказались и вести куда нибудь, предоставивъ Стеценко самому розыскивать дорогу. Стеценко упорно продолжалъ двигаться впередъ, придерживаясь сѣверо-восточнаго направленія. Утомленіе заставляло дѣлать весьма частыя остановки и, отойдя во время одной изъ этихъ остановокъ въ сторону при своемъ возвращеніи къ проводникамъ, умирающей отъ жажды Стеценко имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его спутники допивали его скудную долю воды. Онъ поспѣшилъ отнять у нихъ чашку, но въ ней не оказалось даже порядочнаго глотка. Положеніе было отчаянное, но оставаться на мѣстѣ—значило дѣлать его еще хуже, и потому хотя и медленно, но движеніе продолжалось.

Утромъ 8-го ноября дошли до какихъ-то прѣсныхъ колодцевъ, проводникамъ совершенно неизвѣстныхъ, и, отдохнувъ здѣсь, двинулись въ томъ же направленіи дальше. Шагъ за шагомъ продвигаясь впередъ, передъ разсвѣтомъ 9-го ноября путники совершенно неожиданно слышали громкій окликъ: «стой, кто идетъ?»

Стеценко не разъ говаривалъ потомъ, что ему въ жизнь свою не приходилось испытывать радости больше той, какая охватила его, чуть только донесся до его слуха этотъ немудрый окликъ, указывающей на присутствіе солдата. Испытаніямъ пришелъ конецъ. Судьба и настойчивость вывели Стеценко на шестой день его пути къ одной изъ ротъ отряда генерала Глуховскаго. Отдохнувшій и снабженный всѣмъ необходимымъ, Стеценко отправился въ отрядъ генерала Глуховскаго, а оттуда—въ Петро-Александровскъ, гдѣ рассчитывалъ застать отрядъ полковника Куропаткина. Оказалось, что отрядъ изъ Петро-Александровска уже выступилъ по пути въ Закаспійскій край, и Стеценко, пустившись за нимъ, нагналъ, наконецъ, отрядъ 18-го ноября.

Стеценко былъ награжденъ за выполненіе этого изъ ряда выходящаго порученія орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Около семи часовъ утра 20-го декабря войска самурскаго гарнизона, общая численность котораго доходила до 35-ти ротъ, не считая двухъ командъ охотниковъ, девяти сотенъ и 52-хъ орудій, выдѣливъ двѣ роты, двѣ сотни и 19 орудій, организовались въ три колонны: полковника Куропаткина, полковника Козелкова и главные силы, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

Сообразно предстоящему порядку наступленія, на правомъ флангѣ расположились 8¹/₄ ротъ, двѣ сотни и 10 орудій колонны полковника Куропаткина, которой было назначено, отрѣзавъ непріателя отъ горъ, дѣйствовать противъ Янги-Кала съ южной его стороны. Центръ заняла колонна полковника Козелкова, въ составѣ 8¹/₄ ротъ, 10-ти орудій и командъ: снабженной взрывчатымъ матеріаломъ морской, охотничьей и осетинъ; лѣвѣ этой колонны расположились 18¹/₄ ротъ, семь сотенъ и 32 орудія главныхъ силъ. Наша рота раздѣлилась по всѣмъ тремъ колоннамъ, выдѣливъ по взводу въ колонны полковниковъ Куропаткина и Козелкова и полроты—въ главные силы. Въ каждомъ изъ этихъ подраздѣленій было по нѣсколько человекъ, снабженныхъ совершенно готовыми къ взрыву пачками динамитныхъ патроновъ, уложенными въ котелки, которые были пригнаны для носки на пояскомъ ремнѣ сзади.

Къ восьми часамъ утра былъ отслуженъ молебенъ, и колонна полковника Куропаткина первая двинулась впередъ.

Все это совершалось на глазахъ непріателя, который при самомъ началѣ выстраиванія войскъ передъ Самурскимъ былъ приглашенъ къ внимательности обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ у него выстрѣломъ стоящей на холмѣ въ Геокъ-Тепе пушки. Часъ спустя по выступленіи первой колонны, двинулись и остальные войска, а за ними инженерный паркъ, Красный Крестъ, перевязочные пункты и лазареты частей, словомъ—все необходимое для перваго устройства на новомъ мѣстѣ.

Вмѣстѣ съ диспозиціей войскамъ дана была еще и инструкція, въ которой отдавалось должное боевымъ качествамъ непріателя, указывались недостатки его боевыхъ приѣмовъ и приемы, пригодные въ предстоящей борьбѣ для нашихъ войскъ. Въ этомъ отношеніи пѣхотѣ указывалось дѣйствовать непремѣнно въ сомкнутомъ строѣ, возстановляя строгій порядокъ его при каждой малѣйшей возможности. Стрѣльба указывалась преимущественно залповая, противъ же кавалеріи непріателя—исключительно залповая, причемъ какъ

противъ пѣхоты, такъ и противъ кавалеріи залпы должны производиться не далѣе 600 шаговъ. Противъ большихъ массъ непріятеля указывался навѣсный залповый огонь сомкнутыхъ частей не менѣе роты; стрѣльба эта допускалась съ разстоянія 3,000 шаговъ. Навѣсная же (вѣрнѣе перекидная) стрѣльба должна была примѣняться и для пораженія закрыто стоящаго непріятеля съ тѣхъ же дистанцій, при совершенно поднятомъ прицѣлѣ и съ точкой цѣли на гребнѣ прикрытія. Для кавалеріи указывалось массовое дѣйствіе при условіи лишь зависящаго отъ чего-либо предварительнаго моральнаго разстройства непріятельской кавалеріи; при дѣйствіи же противъ пѣхоты требовалась всевозможная рѣшительность натиска.

Артилеріи до начала атаки пѣхотою предоставлялся полный просторъ въ выборѣ цѣли дѣйствія и мѣста расположенія. Подобная свобода дѣйствій давалась ей лишь до начала атаки пѣхоты, — въ этотъ же моментъ артилерія должна была, ни на что не обращая вниманія, выноситься передъ пѣхоту, подойдя на самую близкую дистанцію къ непріятелю, подготовить огнемъ своимъ почву для удара пѣхоты.

Затѣмъ указывался порядокъ охраненія и означеніе заранѣе отмѣренныхъ разстояній впереди расположенія частей для болѣе успѣшной стрѣльбы ихъ.

Обозы инженернаго парка, Краснаго Креста, перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ слѣдовали за отрядомъ.

Въ 8^{1/2} часовъ утра двинулся впередъ авангардъ колонны полковника Куропаткина въ составѣ двухъ ротъ ширванцевъ, роты охотниковъ и взвода саперъ, двухъ дальнобойныхъ орудій и двухъ сотенъ. Авангардъ находился подъ непосредственнымъ начальствомъ полковника Куропаткина и двигался вдоль направленія Копеть-Дага, чтобы обратиться затѣмъ противъ южной стороны Янги-Кала. За впереди идущей ротой охотниковъ слѣдовала артилерія и саперы между двигающимися справа и слѣва ротами пѣхоты. Движеніе это прикрывалось выдвинутыми въ сторону Копеть-Дага и нѣсколько впередъ пѣхоты двумя сотнями кавалеріи, освѣщавшей мѣстность высланными вдоль горъ развѣздами. За авангардомъ слѣдовали главные силы, придерживаясь ближе къ горамъ.

Отойдя верстъ 6—7 отъ Самурскаго, авангардъ прикрылся съ фронта и лѣваго фланга цѣпью охотниковъ, начавшей перестрѣлку съ отдѣльными конными текинцами. Полковникъ Куропаткинъ обратился къ бывшему тутъ командиру 4-й батареи 20-й бригады съ предложеніемъ сняться съ передковъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣ-

ловъ по непріятельскимъ всадникамъ, если это найдено будетъ полезнымъ. По отсутствію какой-либо серьезной цѣли, предложеніе это было отклонено командовавшимъ батареей капитаномъ Полковниковымъ.

Около 12-ти часовъ двѣ спѣшныя сотни сбили значительныя непріятельскія силы съ лежащихъ верстахъ въ полтора къ юго-западу отъ Янги-Кала холмовъ, на которыхъ расположенъ былъ взводъ артилеріи, прикрывшій своимъ огнемъ переправу черезъ ручей Секпъ-ябъ авангарда и подошедшихъ къ этому времени главныхъ силъ колонны полковника Куропаткина. Переправа представляла затрудненіе лишь для артилеріи и слѣдовавшихъ за колонною обозовъ, такъ какъ пѣхота и кавалерія могли перейти этотъ узкій, но въ глубокомъ руслѣ протекающій ручей.

Подошедшія главныя силы дали возможность воспользоваться имѣющимися при нихъ на фургонахъ инженернаго парка кое-какими заранѣе приготовленными матеріалами, изъ которыхъ черезъ ручей и былъ накинута мостикъ. На постройку его пошло, между прочимъ, и нѣсколько штурмовыхъ лѣстницъ. Переправившись черезъ ручей, артилерія снялась съ передковъ на занятой уже для нея ширванцами и охотниками второй позиціи, для обезпеченія которой охотничья цѣпь была продвинута на разстояніе саженъ 250 отъ опушки Янги-Кала. Справа и слѣва расположеніе артилеріи обезпечивалось двумя ротами ширванцевъ и двумя ротами туркестанцевъ; войска эти при дальнѣйшемъ наступленіи организовались въ двѣ колонны, цѣлью которымъ было поставлено дѣйствіе на юго-западную, южную и восточную стороны Янги-Кала. Справа движеніе это прикрывалось кавалеріей и опиралось на резервъ изъ трехъ ротъ. Движеніе пѣхоты подготовлено было энергичнымъ огнемъ артилеріи, которая вмѣстѣ съ движеніемъ пѣхоты на штурмъ опушекъ селенія перешла на третью позицію и огнемъ своимъ вмѣстѣ съ огнемъ пѣхоты сдѣлала положеніе текинцевъ въ Янги-Кала до такой степени труднымъ, что они не приняли атаки и очистили свои позиціи при приближеніи нашихъ колоннъ.

Колонна полковника Козелкова, верстахъ въ полтора отъ западнаго края Янги-Кала, организовала батарею въ 20 слишкомъ орудій, которая въ продолженіе двухъ почти часовъ обстрѣливала Янги-Кала, частями продвигаясь впередъ до разстоянія саженъ въ 150 отъ селенія. Огнемъ этимъ непріятель былъ совершенно сбитъ съ своей продольно обстрѣливаемой еще и изъ колонны полковника Куропаткина позиціи и отошелъ въ крѣпость.

Противъ этихъ отходящихъ массъ непріятеля произведена была весьма удачная атака двумя сотнями казаковъ. Противъ казаковъ вышли было значительныя силы непріятеля изъ самой крѣпости, вслѣдствіе чего наша конница отошла назадъ, а артилерія открыла по непріятелю сильный огонь, которымъ онъ и былъ отброшенъ.

Вслѣдъ затѣмъ черезъ Секизь-ябъ былъ накинута легкій мостикъ, перейдя черезъ который войска колонны полковника Козелкова окончательно отбросили непріятеля въ крѣпость и вошли въ связь съ войсками колонны полковника Куропаткина.

Прикрывшись цѣпью, войска стали бивакомъ. Крѣпость была въ полутора верстахъ передъ нами. Центръ расположенія заняли главныя силы, передъ которыми встала артилерія; правый флангъ заняла колонна полковника Куропаткина, правѣ которой встала кавалерія; колонна полковника Козелкова расположилась на лѣвомъ флангѣ. Фронтъ былъ усиленъ, хотя и далеко не сплошной траншеей, и войска довольно покойно провели первую ночь окончательнаго періода ихъ дѣйствій подъ Геокъ-Тепе.

Оборона текинцами Инги-Кала далеко не была упорной, такъ какъ селенію этому они не придавали повидимому особаго значенія, почему оно и досталось намъ безъ большихъ потерь. Убитыхъ у насъ былъ только одинъ, да человекъ 15 раненыхъ.

21-го съ бивака отправленъ былъ въ Самурское за оставленными тамъ тяжестями фуражный транспортъ подъ прикрытіемъ 4-хъ ротъ, сотни казаковъ и 2-хъ орудій. Другая колонна, исключительно кавалерійская, въ составѣ четырехъ сотенъ, двухъ эскадроновъ и двухъ конно-горныхъ орудій, подъ начальствомъ генерала Петрусевича, двинулась вдоль восточнаго фронта крѣпости и затѣмъ повернула параллельно сѣверному фронту ея. Во время этого инженеръ-полковникомъ Рутковскимъ произведенъ былъ осмотръ мѣстности и характера непріятельскихъ оборонительныхъ построекъ въ видахъ выработки деталей атаки.

Звукъ горячаго боя на сѣверной сторонѣ крѣпости заставили генерала Скобелева двинуться съ 4-мя ротами, сотней и 8-мью орудіями на помощь генералу Петрусевичу вдоль западнаго фронта крѣпости. Близъ сѣверной оконечности этого фронта артилерія этой колонны заняла позицію въ верстѣ отъ крѣпости. Дѣйствія этой колонны отвлекли вниманіе текинцевъ отъ колонны генерала Петрусевича, который могъ теперь продолжать движеніе на Самурское, послѣ чего обратно вернулась и колонна генерала Скобелева.

На слѣдующій день, 22-го, всѣ необходимыя тяжести были до-

ставлены изъ Самурскаго и войска наши расположились на занятой ими позиціи лагеремъ. 21-го же полковникъ Куропаткинъ съ сотней казаковъ произвелъ осмотръ мѣстности передъ восточнымъ фронтомъ крѣпости, по направленію отъ Ольгинской калы до Правофланговой, и, убѣдившись, что послѣдняя не занята непріателемъ, снова вернулся къ Ольгинской калѣ, стоящей почти что на продолженіи южнаго фронта крѣпости.

На обратномъ пути къ Ольгинской одному изъ казаковъ, откликнувшихся на вызовъ полковника Куропаткина, поручено было проѣхать по направленію къ крѣпости до перваго русла (впослѣдствіи называвшагося Туркестанскимъ ручьемъ или туркестанской водой) и посмотреть, есть-ли въ немъ вода. Вернувшійся казакъ сказалъ, что вода есть, послѣ чего полковникъ Куропаткинъ предложилъ спѣшиться одному изъ туркестанскихъ офицеровъ и мнѣ и промѣрять вмѣстѣ съ нимъ разстояніе отъ Ольгинской калы до найденной казакомъ воды, которое оказалось около 250 сажень. Текинцы не мѣшали нашему измѣренію, и, дойдя до ручья, мы расположились нѣсколько отдохнуть, когда къ полковнику Куропаткину явился казакъ съ запиской отъ генерала Скобелева, прочитавъ которую полковникъ Куропаткинъ уѣхалъ, сказавъ, чтобъ подождали его возвращенія. Нѣсколько минутъ спустя казакъ привелъ отъ Ольгинской мою лошадь, которую послалъ кто то изъ бывшихъ около калы офицеровъ. Въ время возвращенія къ Ольгинской текинцы вздумали немного поохотиться на насъ съ казакомъ, но всѣ ихъ пули, повизгивая, благополучно миновали насъ.

Ждали полковника Куропаткина у Ольгинской довольно долго, но не дождались и вернулись обратно въ лагерь. Ольгинская была занята казаками къ вечеру того же дня. На 23-е полковнику Куропаткину назначено было занять осматрѣнную имъ наканунѣ калу, получившую затѣмъ названіе Правофланговой, для чего назначался отрядъ изъ двухъ ротъ ширванцевъ, полуроты саперъ, двухъ орудій, двухъ картечниковъ и сотни казаковъ.

Такъ какъ въ руслѣ, пролегавшемъ мимо Ольгинской къ Правофланговой, воды не было, то утромъ того же дня мнѣ приказано было обводнить его. Съ этою цѣлью въ восьмомъ часу утра, когда изъ лагеря выступали назначенныя для занятія Правофланговой войска, я со взводомъ отправился за южную окраину Янги-Кала и, собравъ тамъ въ одно русло по возможности большее количество отдѣльныхъ протоковъ Секизъ-яба, часамъ къ одиннадцати довелъ

воду до Правофланговой, которая къ этому времени была почти приведена уже въ оборонительное положеніе.

По занятіи Правофланговой полковникъ Куропаткинъ продвинулся съ ротою и сотнею къ предварительно обстрѣленной, лежащей къ сѣверу отъ Правофланговой калѣ, которая на слѣдующій день получила названіе Садовъ генерала Петрусевица и стояла намъ жизни его. Кала эта была занята текинцами, которые были довольно скоро выбиты оттуда. Здѣсь были найдены значительные запасы фуража. Текинцы въ продолженіе всего дня поддерживали рѣдкій огонь по Правофланговой калѣ. Въ Садахъ Петрусевица захваченъ былъ въ плѣнъ одинъ изъ текинцевъ, который хотя и весьма неохотно, но давалъ все-таки кое-какіе отвѣты относительно конструкціи стѣнъ и гарнизона крѣпости. Указанія его по первому вопросу оказались въ послѣдствіи довольно вѣрными. Въ этомъ отношеніи мы имѣли впрочемъ довольно полныя свѣдѣнія отъ бывшаго въ плѣну у текинцевъ нашего артилериста Петина, о которомъ я раньше уже упоминалъ и который, не ограничиваясь разсказами, вылѣпилъ изъ глины модель крѣпости около квадратной сажени по площади, придавъ стѣнамъ ихъ надлежащій характеръ и толщину. Не смотря на то, что свѣдѣнія Петина о состояніи крѣпости были далеко не свѣжи, модель его была весьма близка къ оригиналу. Модель эта была очень охотно разсматриваема солдатами, имѣвшими кстати передъ глазами и самый оригиналъ. На 23-е назначено было открытіе осадныхъ работъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію рѣшительнаго періода дѣйствій войскъ, постараюсь очертить по возможности самую крѣпость Геокъ-Тепе и ея окрестности, пользуясь данными, добытыми уже послѣ взятія ея.

Къ сѣверу отъ Копетъ-Дага, между развѣтвленіями ручья Секизь-ябъ, выбрана была для постройки крѣпости совершенно ровная площадь, исключая одного возвышающагося на ней пригорка. Площадь эта по своей формѣ напоминаетъ нѣсколько сѣченіе клина, узкимъ, слегка вкось усѣченнымъ концомъ обращеннаго къ Копетъ-Дагу, а широкимъ—къ пескамъ. Верстахъ въ двухъ къ юго-западу отъ этого клина начинается сѣверная опушка селенія Янгикала, обводненнаго многочисленными рукавами Секизь-яба. Площадь, занимаемая крѣпостью, обнесена стѣнами, достигающими до 2 сажень высоты и отъ 20 до 30 футъ толщины по верху, при 30—35 футахъ въ основаніи. Для образованія этой стѣны, по линіямъ полигона, возведены были двѣ паралельныя глинобитныя стѣнки,

промежутокъ между которыми былъ забить плотно утрамбованной землей, куда, кромѣ земли, не стѣснялись, впрочемъ, повидимому совать вообще все, что попадется подъ руку, о чемъ можно заключить по трупъ верблюда, на который намъ пришлось натолкнуться вполслѣдствіи, когда нужно было заложить въ оградѣ два горна, чтобы взрывомъ ихъ отдѣлить отъ прочихъ стѣнъ сѣверо-восточный уголъ крѣпости, вошедшій въ составъ возведеннаго около холма укрѣпленія. Набивка земли въ образованный внутренней и вѣшной стѣнами ящикъ произведена была не до самого верха стѣнъ, вслѣдствіе чего верхняя площадь стѣны явилась ограниченной внутреннимъ и вѣшнымъ парапетами фута въ 3—4 высоту. Отъ одного парапета до другаго мѣстами были выстроены дѣлящія стѣну на части глинобитные траверсы, между которыми кое-гдѣ попадались вырытыя на верхней поверхности стѣны углубленія. Матеріаломъ для возведенія стѣны служила глина, отрытая изъ наружнаго и внутренняго ровъ, изъ которыхъ наружный имѣлъ ширину въ 12—16 футъ при глубинѣ отъ 7 до 9 футъ; внутренняя же отрывка, строго говоря, ровомъ названа быть не можетъ, такъ какъ являлась въ видѣ изолированныхъ ямъ разной глубины и размѣровъ, единственное назначеніе которыхъ было дать матеріалъ для постройки.

Общее протяженіе стѣнъ достигало до четырехъ верстъ слишкомъ, изъ которыхъ на восточную и западную стѣны приходилось по 720 и 675 сажень, а на сѣверную и южную—420 и 240 сажень. Внутри крѣпости, недалеко отъ холма, находится небольшая кала обыкновеннаго типа. Отъ южной стѣны крѣпости къ холму тянется широкая полоса ничѣмъ не занятаго пространства, вся же остальная площадь густо занята кибитками и землянками. Подъ стѣнами никакихъ закрытыхъ помѣщеній не было. Для добыванія воды служили колодцы съ хорошей прѣсной водой.

Куда дѣвали текинцы своихъ убитыхъ—не знаю, потому что, хотя холмъ и былъ весьма густо усыянъ по склонамъ могилами, но помѣститься ихъ тутъ могло лишь очень и очень ограниченное количество. Вершина холма была обрыта траншеей, въ которой помѣщалась пушка. Тутъ же устроены были два горна съ двумя парами мѣховъ при каждомъ и былъ повидимому складъ собираемыхъ осколковъ нашихъ снарядовъ, изъ которыхъ очевидно тутъ же отливались текинцами какъ ядра для своей пушки, такъ вполслѣдствіи и ядра для унесенной отъ насъ горной пушки. Ядра для послѣдней по наружному виду представляли поразительно точную копію нашихъ гранатъ, съ той лишь разницею, что свинцомъ обливался не

весь снарядъ, а лишь два пояса: одинъ—у дна, другой—у головы, между тѣмъ какъ средняя часть оставалась не облитой.

Никакихъ помѣщеній въ толщѣ стѣнъ устроено не было и все населеніе жило исключительно на ограниченной стѣнами площади, гдѣ кибитки были разставлены такимъ образомъ, что отъ южной стѣны до бугра шла широкая улица. Сообщеніемъ крѣпости съ полемъ служили оставленные незадѣланными промежутки въ оградѣ, которыхъ было въ восточномъ фронтѣ восемь, въ южномъ—одинъ, въ сѣверномъ—три и въ западномъ—девять. Нѣкоторые изъ этихъ выходовъ были прикрыты постройками, возведенными у контръ-эскарпа. Въ непосредственной близости къ стѣнамъ крѣпости противъ южной части восточнаго фронта лежали три калы, извѣстныя въ послѣдствіи подъ названіемъ Главной, Охотничьей и Туркестанской калъ Великокняжеской позиціи. На сѣверо-востокъ лежали Сады Петрусевича, на востокъ—Правофланговая, на юго-востокъ—Ольгинская и Кавалерійская, на юго-западъ—Опорное и на западъ—Мельничная и Маячная калы. Ближайшая къ крѣпости мѣстность къ сѣверу, сѣверо-западу и сѣверо-востоку отъ нея слегка волниста, къ востоку—ровна и къ югу слегка повышается, такъ что съ нѣкоторой площади къ сѣверу отъ Янги-Кала можно было обнаруживать часть внутренней площади крѣпости.

Объектомъ атаки былъ избранъ юго-восточный уголъ. Въ день открытія работъ и раньше начала ихъ генералъ Петрусевичъ долженъ былъ со всей кавалеріей двинуться къ сѣверу отъ Правофланговой и занять тамъ позицію на случай неожиданнаго оставленія непріателемъ крѣпости и бѣгства его въ пески.

Поднятый ночью въ крѣпости шумъ ускорилъ выступленіе генерала Петрусевича, назначенное предварительно въ девять часовъ утра, и было еще темно, когда онъ, съ тремя сотнями, двумя эскадронами и конно-горнымъ взводомъ, двинулся къ Правофланговой, а около семи часовъ утра двинулся отъ Правофланговой дальше на намѣченные ему пункты.

Предстоящая къ занятію позиція представляла мѣстность весьма пересѣченную и въ общихъ чертахъ состояла изъ небольшой калы, стоящей среди двора, окруженнаго стѣнкой футовъ въ 5 высоты и разгороженнаго вдоль и поперекъ небольшими стѣнками на отдѣльные участки. Къ южной сторонѣ общаго двора подходятъ пересѣченные въ разныхъ направленіяхъ глинобитными стѣнками сады.

Шагахъ въ 150-ти отъ окружающаго калу дворика кавалерія была встрѣчена огнемъ текинцевъ и, спѣшившись, ворвалась на дво-

ричь. Здѣсь на пересѣченной глиняными стѣнками мѣстности, завязался упорный рукопашный бой, въ которомъ въ числѣ первыхъ палъ самъ генераль Петрусевичь. Надъ тѣломъ его завязался бой еще болѣе жестокий, такъ какъ текинцы видимо хотѣли отбить это тѣло и оно нѣсколько разъ было уже въ ихъ рукахъ, но, благодаря новымъ усиліямъ, было опять отбиваемо.

Во время этой схватки текинцы мало по малу подавались назадъ и наконецъ очистили пространство передъ калою, которая, равно какъ и мѣстность сзади ея, находилась въ рукахъ непріятеля. Ворваться въ самую калу, благодаря ея прочнымъ воротамъ, было очень трудно.

Въ началѣ восьмого часа значительныя массы пѣшихъ текинцевъ вышли изъ крѣпости и направились на помощь къ своимъ дравшимся въ Садахъ Петрусевица. Все, что съ нашей стороны изъ бывшихъ у генерала Петрусевица войскъ не было еще къ этому времени введено въ дѣло, заключалось въ одной лишь полусотнѣ и коноводахъ спѣшившихся частей. Спѣшившаяся полусотня открыла противъ вышедшаго изъ крѣпости непріятеля огонь залпами и заставила его повернуть обратно въ крѣпость. Хотя пѣшіе текинцы вскорѣ снова появились оттуда, но разсчитывать на успѣхъ имъ было уже поздно, потому что извѣщенный о положеніи дѣла комендантъ Правофланговой калы маіоръ Богаевскій бѣгомъ вѣлъ къ мѣсту боя полторы роты пѣхоты, и скоро вся позиція, исключая самой калы, была очищена отъ непріятеля. Кавалерія въ это время начала отходить къ Правофланговой, а за ней медленно начала отступать и маіоръ Богаевскій, къ пѣхотѣ котораго скоро присоединились приведенныя на звуки боя полковникомъ Куропаткинымъ рота и двѣ сотни, а затѣмъ и еще двѣ роты и полубатарей артилеріи. Всѣ эти войска отступили къ Правофланговой калѣ, а оттуда — въ лагерь.

Кромѣ генерала Петрусевица, мы потеряли въ этомъ дѣлѣ маіора Булыгина и сотника Иванова. Раненъ былъ сотникъ Алейниковъ. Нижнихъ чиновъ убито 12, ранено 37. Единственнымъ благопріятнымъ послѣдствіемъ этого во всѣхъ отношеніяхъ тяжелаго для насъ дѣла было то, что понесшіе, въ свою очередь, весьма серьезную потерю текинцы ни во время самага дѣла, ни по окончаніи его не мѣшали открывшимся въ этотъ день осаднымъ работамъ.

Вслѣдствіе невозможности, за недостаткомъ рабочихъ, произвести отрывку первой паралели сразу по всей ея длинѣ, приступлено было сначала къ открытію лѣвофланговой половины паралели противъ

восточнаго фронта крѣпости. Прикрывающая работы боевая линія изъ команды охотниковъ заняла тянущуюся вдоль туркестанскаго ручья глинобитную стѣнку, рабочая же линія приступила къ отрывкѣ первой паралели въ 600 саженьяхъ отъ крѣпости, къ возведенію батареи № 1-го (амфиладная) и редута № 1-го. Резервъ (рота туркестанцевъ) расположился у Ольгинской калы.

Текинцы открыли по рабочимъ стрѣльбу, но за дальностью разстоянія огонь ихъ былъ весьма недѣйствителенъ и, подгоняя нѣсколько рабочихъ, приносилъ намъ скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Дѣло подходило уже къ концу, когда посѣтившій работы генераль Скобелевъ приказалъ руководившему инженеру капитану Яблочкову бросить отрываемую траншею и продвинуться съ работами впередъ за Туркестанскій ручей. Перейдя за него, рабочая линія расположилась въ 230 шагахъ отъ него и приступила къ отрывкѣ новой траншеи, насыпкѣ на лѣвомъ флангѣ ея редута № 2-го и къ устройству хода сообщенія отъ редута № 1-го къ редуту № 2-му. Послѣдняя работа взяла впрочемъ весьма немного времени и силъ, такъ какъ въ требуемомъ почти направленіи пролежала глубокая и достаточно широкая промоина, которая послѣ небольшой работы и дала значительную часть требуемаго хода сообщенія. Въ 10 часовъ утра рабочая линія, за исключеніемъ незначительной части, распределенной по батареѣ № 1-го и редутамъ №№ 1-го и 2-го, была передвинута къ правому флангу атаки, гдѣ и открыла первую паралель, примкнувъ лѣвый флангъ ея къ ручью Опорному. По недостатку рабочихъ сомкнуть правую и лѣвую половины паралели не удалось, а ночью на 24-е число часть работъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ, по приказанію генерала Скобелева, была засыпана почти вплоть до Великокняжескаго ручья, на лѣвомъ берегу котораго осталась лишь батарея № 2-го и редутъ № 3-го (впослѣдствіи Ставропольскій).

Работы по устройству и вооруженію занятой позиціи продолжались по 25-е и состояли въ окончательной отдѣлкѣ первой паралели и редутовъ съ батареями, въ вооруженіи батареи № 1-го четырьмя дальнобойными пушками, редута № 1-го — двумя горными пушками и устройства на немъ вышки для геліографной станціи; въ вооруженіи редута № 2-го двумя ракетными станками, редута № 3-го — двумя горными орудіями и батареи № 2-го — четырьмя орудіями.

Съ вечера 25-го по вечеръ 27-го у батареи № 1-го была вырыта траншея для резерва и ходъ сообщенія отъ лагеря къ первой паралели. Ходъ этотъ получилъ названіе «Центральнаго». Отъ ре-

дута № 1-го по направленію къ Ольгинской вырыть былъ ходъ сообщенія около 30-ти сажень, такъ какъ открытое сообщеніе на этомъ пространствѣ было далеко не безопасно. Въ ночь же на 26-е выведены были подступы впередъ ко второй паралели, отрывка которой была произведена ночью съ 26-го на 27-е.

Съ 24-го каждый изъ фланговъ работъ былъ подчиненъ на все время осады одному и тому же начальнику и войска раздѣлены на три части.

Въ распоряженіе полковника Куропаткина, командующаго правымъ флангомъ осады, въ районъ котораго вошли калы Правофланговая и Ольгинская, для веденія работы и несенія службы въ траншеяхъ назначены были два баталіона ширванцевъ, баталіонъ апшеронцевъ, три роты туркестанцевъ и рота охотниковъ; для занятія Правофланговой калы—рота самурцевъ.

На лѣвый флангъ къ полковнику Козелкову назначались: баталіонъ ставропольцевъ, баталіонъ апшеронцевъ, закаспійскій мѣстный баталіонъ, три роты дагестанцевъ и охотничья команда. Вошедшая въ районъ этого фланга Опорная кала занималась ротой самурцевъ.

Пять ротъ самурцевъ и двѣ роты дагестанцевъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Гайдарова, назначались для охраненія лагеря, комендантомъ котораго назначался полковникъ Гайдаровъ же.

На каждомъ флангѣ осады назначенъ былъ траншей-маіоръ, на обязанности котораго лежали: оборона и удержаніе при помощи войскъ за собою всѣхъ траншей въ случаѣ вылазки текинцевъ, организація дневной стрѣлбы одиночныхъ лучшихъ стрѣлковъ по указанной имъ цѣли, группъ стрѣлковъ по группамъ непріятеля, залповой стрѣлбы по массамъ непріятеля, перекидной ружейной стрѣлбы, дневной и ночной, по внутренности крѣпости, распредѣленіе траншейнаго караула и рабочихъ, организація смѣны частей, наблюденіе за обязательнымъ ежедневнымъ снабженіемъ войскъ горячею пищею, наблюденіе за чистотою въ траншеяхъ и запрещеніе двигаться въ сферѣ огня внѣ ходовъ сообщенія, организація помощи раненымъ на мѣстѣ и доставки ихъ на перевязочные пункты, наблюденіе за усерднымъ производствомъ работъ назначенными для того частями и знаніе состава и силы этихъ частей, для чего всѣ младшіе траншей-маіора чиномъ начальники входящихъ на работу частей должны были дѣлать траншей-маіору соотвѣтствующіе доклады; представленіе ежедневныхъ отчетовъ о

бывшихъ въ траншеяхъ на службѣ частяхъ, ихъ силѣ, убыли и израсходованныхъ ими боевыхъ матеріалахъ и т. п.

Первый день Рождества прошелъ въ траншеяхъ до такой степени похоже на всѣ предыдущіе, что лишь часовъ около десяти вечера, когда у кого-то изъ офицеровъ, перенесшагося, повидимому, изъ вырытой въ глубинѣ Средней Азіи траншеи куда-то въ болѣе родныя мѣста, съ легкимъ вздохомъ вырвались слова: «вотъ и первый день Рождества прошелъ»,—я вспомнилъ, какой день кончался. Ночью мы разбили подступы ко второй паралели отъ редута № 2-го. Разработка этого хода прошла довольно покойно, такъ какъ текинцы не препятствовали нашимъ работамъ, но близость къ непріятелю все-таки сильно сказывалась на успѣхѣ работъ, такъ что потребовалось не болѣе полутора часовъ, чтобы рабочимъ прикрыться достаточно. Покойно же и проворно былъ разработанъ въ эту ночь и Центральный ходъ.

Вообще работы въ первый день Рождества и въ ночь на второй день были не велики, такъ что войска могли нѣсколько отдохнуть послѣ напряженной дѣятельности предыдущихъ дней и ночей.

Хотя войска и выходили на работы и для занятія траншей приблизительно въ размѣрѣ одной трети своего общаго состава,—остальныя двѣ трети далеко не могли назваться отдыхающими, такъ какъ помимо нѣкоторыхъ работъ въ самомъ лагерѣ и постоянной ночной готовности двинуться изъ лагеря на помощь войскамъ, занимающимъ траншеи, они предпринимали еще и фуражировки въ окрестностяхъ. Фуражировала главнымъ образомъ кавалерія, пѣхота же являлась къ ней на помощь обыкновенно лишь въ трудныя для кавалеріи минуты.

Фуражировки производились по направленію къ Асхабаду, въ части оазиса намъ ранѣе еще не знакомой, и увѣнчивались обыкновенно полнымъ успѣхомъ какъ въ смыслѣ большаго количества прибрѣтаемаго фуража, такъ и по отсутствію потерь при этомъ. Первая фуражировка была предпринята кавалеріей 24-го и ограничилась раіономъ ближайшихъ къ крѣпости селеній на асхабадской дорогѣ, гдѣ были найдены солидные запасы пшеницы, ячменя, клеверъ и самана.

Кавалерія захватила, сколько могла, изъ найденнаго и вернулась въ лагерь, не выдавъ ни одного текинца.

На слѣдующій день за найденными продуктами отправились еще три сотни, но текинцы, видя наше движеніе 24-го, повидимому, наблюдали теперь за асхабадской дорогой, потому что послали по

пескамъ въ обходъ нашей кавалеріи свою. Гораздо раньше одна ко, чѣмъ текинцы вышли изъ крѣпости, полковникъ Куропаткинъ, ожидавшій, повидимому, этого отъ непріятеля, послалъ вслѣдъ за кавалеріей роту пѣхоты, которая и заняла опушку селенія, гдѣ фуражировали кавалеристы. Текинцы совершенно неожиданно появились изъ-за песчаныхъ бархановъ съ сѣверной стороны селенія, что не помѣшало, однако, имъ сразу же отвѣдать огня занимавшей эту окраину селенія пѣхоты.

Непріятно пораженные текинцы отпрянули, и фуражиры совершенно свободно выбрались изъ селенія и тронулись въ обратный путь. Текинцы стали было насѣдать на отступающую колонну, но отстали, когда на помощь къ ней подошла еще рота пѣхоты съ эскадрономъ драгунъ и съ двумя орудіями.

Фуражировка повторилась и на слѣдующій день 26-го, но на этотъ разъ сформированъ былъ отрядикъ уже изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, въ составъ котораго вошли двѣ роты пѣхоты, шесть сотенъ кавалеріи и два орудія. Текинцы препятствовать фуражирамъ на этотъ разъ не пытались.

Въ ночь на 27-е осадныя работы заключались въ отрывкѣ второй паралели. Лѣвый флангъ ея опирался на Великокняжескій ручей, а правый—приходился на высотѣ калъ, получившихъ впослѣдствіи названіе Великокняжеской позиціи. Такимъ образомъ три калы, составляющія эту позицію, намѣтились какъ ближайшій объектъ атаки, и главное — тяготѣніе всей атаки направилось преимущественно противъ южнаго конца восточнаго фронта крѣпости.

Въ линіи падалели были возведены батареи: № 3-го—для дѣйствія по Великокняжеской позиціи и сообщеніямъ ея съ крѣпостью; № 5-го мортирная—для навѣснаго огня по той же позиціи. Въ эту же ночь были, кромѣ того, возведены двѣ новыхъ батареи, № 4-го и № 6-го, расположенныя въ первой паралели и назначенныя для поддержки траншейнаго караула.

Боевую линію лѣваго фланга составляли расположенныя саженьяхъ въ 20-ти впереди мѣста работъ двѣ роты закаспійцевъ; рабочая линія состояла изъ баталіона Апшеронскаго полка; на правомъ флангѣ былъ разработанъ ходъ сообщенія изъ редута № 2-го къ батарее № 3-го второй паралели, куда также велъ и разработанный на лѣвомъ флангѣ ходъ.

День 27-го и ночь на 28-е прошли за улучшеніемъ ранѣе произведенныхъ работъ и за приспособленіемъ къ оборонѣ калы Оль-

гинской и Кавалерійской и насыпана полупаралель, въ которой возведена была батарея на четыре мортиры.

На 29-е приказано было на правомъ и лѣвомъ флангѣ разработать подступы къ третьей паралели, начиная отъ батарей № 5-го и № 3-го.

Когда достаточно стемнѣло, инженеръ-капитанъ Яблочковъ со мною и четырьмя саперами вышли на впередилежащую мѣстность, гдѣ предварительно расположился секретъ изъ четырехъ охотниковъ. Ночь была довольно темна, и стѣны крѣпости рисовались весьма неясно. Прежде всего капитанъ Яблочковъ рѣшилъ разбить подступы изъ батареи № 5-го, а такъ какъ для этого прежде всего требовалось, чтобы продолженіе перваго зигзага подступа не попало въ крѣпость, то мы и остановились на минутку, чтобы выбрать средство сдѣлать видимою батарею № 5-го и потомъ уже относительно этой батареи опредѣлить другой конецъ перваго зигзага. Въ карманѣ у меня была коробка спичекъ, и я предложилъ капитану Яблочкову воспользоваться ими. Изъ рва крѣпости блеснулъ въ это время огонекъ и раздался сухой звукъ выстрѣла. Мы пріостановили на нѣкоторое время наши разговоры, но все было тихо, и я отправился къ батарее № 5-го. Сжегши тамъ пару спичекъ, вернулся снова назадъ, причемъ не безъ труда отыскалъ въ темнотѣ капитана Яблочкова. Онъ сказалъ, что можно продвинуться еще нѣсколько впередъ, а когда это было сдѣлано, то послалъ меня промѣрять разстояніе до сзади лежащихъ траншей. Считая шаги, я замѣтилъ какую-то двигающуюся отъ траншей тѣнь, которая, проходя отъ меня шагахъ въ 10-ти—15-ти, окликнула меня шепотомъ и скользнула дальше впередъ. Это былъ поручикъ нашей же роты Сандецкій, съ которымъ мы посуточно мѣнялись на работахъ праваго фланга. Описываемая ночь приходилась на мою долю, но такъ какъ работы были довольно интересныя, то мой сотоварищъ и рѣшилъ удѣлить часть своего отдыха на присутствіе при разбивкѣ подступовъ. Дойдя до траншей, отъ которыхъ встрѣча эта произошла въ небольшомъ разстояніи, я повернулъ обратно, начавъ снова считать шаги, чтобы потомъ взять среднее изъ двухъ отчетовъ. Не успѣлъ я просчитать и 15-ти паръ, какъ раздавшіеся впереди выстрѣлы заставили меня остановиться, а затѣмъ гулъ отъ множества бѣгущихъ ногъ подсказалъ, что это двигается большая вылазка изъ крѣпости. Я повернулъ назадъ къ траншеѣ, но оттуда загремѣла довольно разрозненная стрѣльба и подъ этимъ огнемъ мнѣ пришлось добѣжать до паралели, которая оказалась пуста.

Огонь велся съ площадки сзади паралели, на которую только что вышелъ повидимому траншейный караулъ, чтобъ выстроиться тутъ въ ожиданіи смѣны. Укрывшись на нѣкоторое время въ траншеѣ, я видѣлъ однако, что сидѣть тутъ не приходится и что нужно выбрать что-нибудь другое. Выборъ, правду сказать, былъ очень не разнообразенъ: я могъ или, укрываясь отъ собственнаго огня, дожидаться, пока текинцы нахлынутъ въ траншею, приче́мъ, выйдя на работы по обыкновенію не только безъ пашки, но и безъ револьвера, я очевидно неимѣлъ ни малѣйшей надежды даже на минутную оборону; или же, бросивъ траншею, долженъ былъ двинуться на встрѣчу нашему же огню. Послѣднее было все-таки лучше, и потому я снова выбрался изъ траншеи, да и пора было сдѣлать это, такъ какъ силуэты наиболѣе быстроногихъ текинцевъ ясно уже вырисовывались во мракѣ. Черезъ нѣсколько секундъ я былъ среди неуспѣвшихъ еще устроиться солдатъ, а еще черезъ нѣсколько секундъ на насъ навалилась густая толпа непріятеля и отбросила насъ далеко отъ траншеи.

Вылазка охватила весь правый флангъ нашего расположенія и даже обошла этотъ флангъ. Вся вторая паралель вмѣстѣ съ редутомъ № 2-го была въ рукахъ непріятеля, и лишь на брустверѣ редута № 1-го и ближайшихъ къ нему траншей рота туркестанцевъ, встрѣтивъ надвигающіяся массы отчетливыми залпами, а затѣмъ и штыками, положила предѣлъ распространенію непріятеля, который иначе могъ бы прорваться до самаго лагеря.

Эта остановка наступательнаго движенія непріятеля была вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ нашего новаго движенія впередъ, такъ какъ отъ Ольгинской калы въ траншеи двигались уже шесть ротъ ширванцевъ, рота туркестанцевъ и спѣшенная сотня, къ которымъ затѣмъ присоединилась уже и рота закаспійцевъ. Текинцы были сбиты обратнотакъ же быстро, какъ и овладѣли было траншеями, но вылазка эта все-таки тяжело отозвалась на насъ, такъ какъ, кромѣ потери въ людяхъ, простиравшейся до шести офицеровъ, одного врача и 90 нижнихъ чиновъ убитыми и одного офицера и 30-ти нижнихъ чиновъ ранеными, мы потеряли знамя 4-го баталіона Апшеронскаго полка, которое было взято на редутѣ № 2-го, и одно горное орудіе. Въ числѣ убитыхъ оказался и мой сотоварищъ Сандецкій, который самъ почти влѣзъ въ толпу текинцевъ.

Яблочковъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ съ нимъ саперъ успѣли уйти съ пути вылазки на нашъ лѣвый флангъ, на который дѣйствія непріятеля не распространились, и такимъ образомъ уцѣлѣли. Эта

первая вылазка текинцевъ какъ по количеству силъ, такъ и по захваченному району была самой большой и наиболѣе энергичной, такъ какъ въ сферу ея дѣйствія, кромѣ непосредственнаго района нашихъ осадныхъ работъ, вошли еще и попытки овладѣть Правofланговой и Ольгинской калами, и намѣреніе конныхъ текинцевъ атаковать нашъ лагерь. Всѣ эти второстепенныя дѣйствія непріятеля были парализованы съ значительно-большей легкостью сравнительно съ той борьбою, которую пришлось вести за обладаніе траншеями.

Какъ только возстановился общій порядокъ, нарушенный вылазкой непріятеля, по приказанію генерала Скобелева тотчасъ же приступили къ выполненію предполагавшихся работъ, причемъ на этотъ разъ образованная изъ второй шеренги рабочая линія охранялась выдвинутою впередъ въ боевую линію первою шеренгой, которая, въ свою очередь, выслала отъ себя нѣсколько секретовъ.

Къ утру было разработано два зигзага хода къ Великокняжеской позиціи на правомъ флангѣ и полупаралель лѣваго фланга отъ батареи № 3-го по направленію, приблизительно паралельному южному фронту крѣпости. Полупаралель эта была доведена до Великокняжескаго ручья. Не смотря на все стараніе вести работы возможно тихо, скрыть ихъ отъ непріятеля было невозможно, и онъ все время поддерживалъ довольно частый огонь по рабочимъ, причинявшій впрочемъ намъ совершенно ничтожныя потери. Утромъ 29-го смѣнить меня съ работъ было некому, и я оставался въ траншеяхъ, гдѣ послѣ полудня началось какое то усиленное передвиженіе войскъ.

Освѣдомившись въ чемъ дѣло, я узналъ, что въ два часа пополудни приказано взять штурмомъ Великокняжескую позицію, къ чему и готовятся. Около часа пополудни открытые ночью подступы къ Великокняжеской позиціи и ближайшія къ нимъ части траншеи мало-по-малу наполнились назначенными для штурма войсками, а за Ольгинскимъ ручьемъ сѣвернѣе Ольгинской калы выстроился фронтъ батареи въ 20 орудій, и около часа пополудни открылся артилерійскій огонь, какого текинцамъ испытывать еще не приходилось.

Двадцатирудійная батарея у Ольгинской калы занялась прежде всего Великокняжеской позиціей, во время штурма которой ей предстояло перенести огонь на самую крѣпость, но и во время обстрѣла Великокняжеской позиціи эта батарея не должна была упускать изъ вида выходы изъ крѣпости и живыхъ цѣлей, если онѣ появятся передъ крѣпостью. По тѣмъ же цѣлямъ били и остальные орудія праваго фланга.

Съ лѣваго фланга анфилировала восточную стѣну крѣпости поставленная открыто у Ставропольскаго редута батарея дальнѣйшихъ орудій. Часамъ къ тремъ въ стѣнахъ калѣ Великокняжеской позиціи были пробиты достаточной величины бреши, что и послужило сигналомъ къ началу штурма.

Назначенныя для этого войска были раздѣлены на двѣ колонны и двѣ линіи резервовъ. Въ первую колонну вошли: рота охотниковъ, двѣ роты пѣхоты и полурота саперъ; во вторую: двѣ роты пѣхоты и двѣ картечницы; первая линія резервовъ состояла изъ двухъ ротъ, вторая, которая должна была поддерживать штурмующія части своимъ огнемъ, состояла изъ двухъ ротъ и спѣшенной сотни и занимала передовыя траншеи праваго фланга. Около трехъ часовъ назначенныя къ штурму войска первой колонны, выйдя изъ траншей, выстроились передъ нимъ и, поддерживаемыя огнемъ назначенныхъ для этого частей, бѣгомъ двинулись къ Великокняжеской позиціи, направляясь къ главной калѣ ея. Вслѣдъ за первой съ музыкою двинулась и вторая колонна.

Текинцы не особенно отстаивали калы, но подступы къ нимъ обстрѣливались сильнымъ огнемъ, да и по занятіи Великокняжеской позиціи войска не могли тотчасъ же воспользоваться калами, какъ прикрытіемъ, по отсутствію въ стѣнахъ этихъ построекъ бойницъ, а должны были довольствоваться небольшими находящимися на позиціи заборчиками, изъ-за которыхъ и велся огневой бой, довольно ожесточенный, съ обѣихъ сторонъ. Въ виду затруднительности положенія войскъ была подтянута и третья колонна (первая линія резервовъ). Къ вечеру позиція, приведенная въ достаточное оборонительное положеніе, могла уже считаться крѣпко занятой нами, не смотря на свое изолированное положеніе. Въ теченіе ночи всѣ три калы были связаны между собою ходами сообщенія, а съ тыломъ — доведенной за ночь до достаточной глубины третьей параллелью. Ночь прошла на вновь занятой позиціи довольно покойно.

30-го декабря цѣлый день прошелъ по усовершенствованію оборонительныхъ качествъ Великокняжеской позиціи и въ устройствѣ наблюдательнаго пункта на вершинѣ угловой башни Охотничьей калы, для чего поверхъ стѣнъ башни уложено было нѣсколько рядовъ земляныхъ мѣшковъ. Съ этого наблюдательнаго пункта обнаруживалась большая часть внутренней площади крѣпости, вслѣдствіе чего произведенныя съ этого пункта наблюденія вмѣстѣ съ наблюденіями, произведенными съ пункта, устроеннаго въ Правифланговой калѣ, давали возожность во все время ясно видѣть харак-

теръ внутренней жизни крѣпости и заблаговременно обнаруживать намѣренія ея защитниковъ.

Наблюдательный пунктъ Охотничьей башни тотчасъ же по своемъ устройствѣ успѣлъ оказать существенную услугу, такъ какъ позволилъ замѣтить, что къ вечеру значительныя силы непріятеля вышли изъ крѣпости въ ровъ. Это извѣстіе было сообщено войскамъ, но не успѣли сдѣлать еще и соотвѣтствующихъ положенію дѣлъ распоряженій, какъ массы непріятеля устремились изъ рва крѣпости преимущественно на нашъ лѣвый флангъ, овладѣли частью траншей этого фланга и лѣвофланговымъ Ставропольскимъ редутомъ и вѣроятно прорвались бы дальше, еслибы генераль Скобелевъ съ горстью ставропольцевъ не всталъ на ихъ пути.

Вылазка была отбита съ потерей для насъ около 100 человекъ и втораго горнаго орудія. На правый нашъ флангъ вообще и на Великокняжескую позицію въ частности направились лишь небольшія силы непріятеля, о чемъ очень сожалѣлъ полковникъ Куропаткинъ, говоря, что въ противномъ случаѣ на этотъ разъ онъ навѣрное надолго, если не навсегда, отбилъ бы у непріятеля охоту выходить изъ крѣпости. Впрочемъ и безъ того эта вылазка не обошлась текинцамъ такъ дешево, какъ первая. Въ эту же ночь Великокняжеская позиція была соединена ходомъ сообщенія съ правымъ флангомъ имѣющихся сзади осадныхъ работъ. Въ виду значительнаго продвиженія впередъ осадныхъ работъ 31-го было приказано продвинуть лагерь къ первой параллели, т. е. въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня крѣпости. Въ виду послѣдняго обстоятельства приказано было углубить кибитки и обсыпать ихъ землею со стороны крѣпости, но у усталыхъ войскъ ни достаточнаго времени, ни пожалуй и достаточныхъ силъ не набралось. Неудивительно поэтому, что съ этого дня мы начинаемъ нести потери въ самомъ лагерѣ, что раненные разъ въ траншеяхъ получаютъ вторичныя раны лежа въ наметахъ Краснаго Креста, какъ это и случилось съ завѣдывавшимъ осадными работами праваго фланга капитаномъ Яблочковымъ, который былъ смертельно раненъ въ грудь въ день перенесенія лагеря и затѣмъ вторично раненъ въ руку уже лежа въ наметѣ.

По 3-е число января всѣ дѣйствія войскъ заключались главнымъ образомъ въ усиленіи занятыхъ позицій праваго и лѣваго фланговъ и хода сообщеній. Исключеніе представляетъ лишь попытка, произведенная 2-го января, съ цѣлью повести минную галерею изъ Охотничьей калы.

Колодезь былъ отрытъ въ $2\frac{1}{2}$ сажени и на днѣ его показалась вода. Частью поэтому, а частью и вслѣдствіе относительной дальности Охотничьей калы отъ стѣнъ крѣпости, работы были на этомъ приостановлены. Въ ночь съ 3-го на 4-е впереди Охотничьей калы былъ занятъ квадратный почти загонъ съ глинобитными стѣнами и подъ сильнымъ огнемъ приведенъ въ оборонительное положеніе, для чего вдоль стѣнокъ загона вырыты были траншеи. Загонъ этотъ получилъ названіе Ширванскаго редута и для большого обезпеченія отъ огня былъ снабженъ сплошнымъ, параллельнымъ стѣнѣ траверсомъ. Въ эту же ночь была приспособлена къ оборонѣ и лежащая южнѣе Охотничьей калы плотина.

Съ занятіемъ Ширванскаго редута мы утвердились въ 30 саженьяхъ отъ непріятельской ограды. Для сообщенія съ плотиною и Ширванскимъ редутомъ въ стѣнахъ Охотничьей калы были пробиты двѣ двери, основанія которыхъ были значительно ниже горизонта. Въ эту же ночь на лѣвомъ флангѣ была возведена брешь-батарея № 1-го на 16 орудій, нѣсколько восточнѣй Ставропольскаго редута.

День 4-го января прошелъ за улучшеніемъ произведенныхъ ночью работъ и за сосредоточеніемъ въ главную калу Великокняжеской позиціи заготовленныхъ въ лагерѣ въ небольшомъ количествѣ туровъ, фашинъ, земляныхъ мѣшковъ и вообще матеріаловъ, которые хоть сколько нибудь могли быть приложимы къ веденію сапныхъ работъ и вообще къ одеждѣ крутостей. Если не первое, то во всякомъ случаѣ далеко и не послѣднее мѣсто въ этомъ ряду матеріаловъ заняли пустые патронные ящики, ящики изъ подъ ракетъ, изъ подъ инструмента и вообще предметы, не фигурирующіе въ спискѣ одежды ни въ одномъ курсѣ фортификаціи, хотя и обладающіе превосходными въ данномъ отношеніи качествами. Одно развѣ лишь неудобство можно было признать за этими одеждами, — слишкомъ соблазнительно дѣйствовали они на солдатъ, поддававшихся иногда искушенію оторвать отъ ящика щепочку другую, что бы было на чемъ сварить чайку, пользовавшагося большимъ почетомъ въ траншеяхъ.

Сапныя работы тихой туровой или же перекидной сапой рѣшено было открыть въ ночь съ 4-го на 5-е, такъ какъ вести работы летучей сапой въ такомъ близкомъ отъ непріятеля разстояніи, какъ наше, было уже очень и очень затруднительно. Одна голова сапы должна была прорѣзать плотину, а другая — двинуться на перерѣзъ ей, выйдя изъ южнаго фаса Ширванскаго редута.

Вечеромъ, незадолго до наступленія полной темноты, съ наблю-

дательныхъ пунктовъ сообщили, что непріятель значительными массами группируется во рву, и свѣдѣнія эти заставляли предполагать, что готовится новая вылазка.

Говоря до сихъ поръ о траншеяхъ, паралеляхъ и ходахъ сообщенія, я болѣе придерживался употребляемыхъ въ фортификаціи вообще и въ частности для обозначенія осадныхъ работъ терминовъ, приложить которые къ нашимъ работамъ нельзя было даже и съ самой большой натяжкой. Работы наши были очень далеки отъ тѣхъ грандіозныхъ построекъ, по внутреннему рву которыхъ свободно провозится осадное орудіе и брустверь которыхъ прикрываетъ собой кавалериста. Въ нашихъ паралеляхъ и ходахъ сообщенія два человѣка могли пройти одинъ мимо другаго лишь значительно потѣснившись, а генераль Скобелевъ при его высокомъ ростѣ нерѣдко находилъ въ паралеляхъ такія мѣста, гдѣ онъ свободно могъ смотрѣть черезъ брустверь, что онъ всегда и дѣлывалъ. Проходя назадъ, онъ конечно не могъ бы ужъ удовлетворить подобнымъ образомъ своего любопытства, такъ какъ подобные наблюдательные пункты сейчасъ же уничтожались возвышеніемъ бруствера, но уже и самое существованіе ихъ доказывало недостатки нашихъ работъ. Сдѣлать что нибудь болѣе войска не могли. Вырытыя въ теченіе 22-хъ-дневной осады семь верстъ траншей, насыпанные шесть редутовъ и 15 батарей и 32 сажени минныхъ галерей при ихъ вполнѣ соотвѣтствующемъ потребностямъ выполненіи требовали силъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ болѣшихъ, чѣмъ тѣ, которыми мы обладали. Не удивительно поэтому, что, стоя въ узкихъ, плохо приспособленныхъ къ оборонѣ траншеяхъ, войска не могли считать себя въ хорошемъ для обороны положеніи. Это повело къ отданному 3-го января приказанію съ наступленіемъ темноты войскамъ выходить изъ траншей на площадь позади ихъ и располагаться здѣсь для отдыха, выставивъ въ траншеяхъ часовыхъ.

Въ случаѣ вылазки войска должны были противодѣйствовать ей огнемъ и штыкомъ съ этой же площади, не входя въ траншеи, которыя съ этой минуты являются лишь мѣстами дневнаго расположенія войскъ и путями дневныхъ сообщеній, приобрѣтая ночью исключительно характеръ обстрѣливаемого препятствія движенію непріятеля.

Въ ночь съ 4-го на 5-е всѣ эти мѣры горько-горько отозвались на текинцахъ. Часовъ въ семь вечера, подъ прикрытіемъ темноты, они произвели стремительную вылазку противъ лѣваго фланга осадныхъ работъ и Великокняжеской позиціи, но всюду были отбиты,

причемъ потеряли за одинъ этотъ разъ болѣе чѣмъ половину общаго числа своей убыли за всю осаду.

Приостановленные было вылазкой работы успѣшно продолжались, причемъ нанесенный текинцамъ ударъ далъ даже возможность выполнить часть работъ летучей сапой. Отрытая траншея получила названіе Овальной.

Въ ночь на 6-е изъ Овальной траншеи вышли двумя головами перекидныхъ сапъ въ разстояніи 10 сажень одна отъ другой и, продвинувшись впередъ на 10 же сажень, къ утру 6-го января сапы, послѣ поворота вправо и влѣво, пошли на встрѣчу одна другой. Около восьми часовъ утра сапы соединились, давъ новую, параллельную стѣнѣ крѣпости траншею въ 10 сажень длиною и въ 25-ти приблизительно саженьяхъ отъ стѣны. По приведеніи этой траншеи въ надлежащій видъ, около восьми же часовъ утра 6-го января, изъ нея положено было начало миннымъ работамъ выводомъ минной галереи въ 4 фута высоту при 3-хъ-футовой ширинѣ. Галерея пошла со дна отрытаго въ траншеѣ колодца, въ 7 футъ общей глубины

Колодезь былъ оконченъ около двухъ часовъ пополудни, а въ полночь на 7-е, т. е. черезъ 11 часовъ, голова галереи была уже на 40 футъ впереди. По мѣрѣ приближенія къ этому разстоянію работа становилась все труднѣе и труднѣе вслѣдствіе отсутствія хорошаго воздуха.

Минеры уставали весьма скоро, свѣчи горѣли тусклымъ, мигающимъ пламенемъ. Около двухъ часовъ ночи люди могли бы еще работать при условіи частыхъ смѣнъ, но свѣчи уже не горѣли и потому былъ поставленъ вентиляторъ. Въ то время, какъ налаживалось подземное сближеніе съ крѣпостью по поверхности земли, медленно, но настойчиво ползли къ крѣпостному рву головы двухъ сапъ, вышедшихъ съ фланговъ той же траншеи, гдѣ былъ и минный колодезь. Продвинувшись отъ этой траншеи на 7 сажень впередъ, сапы вновь соединились поворотомъ вправо и влѣво, и передъ текинцами явилась новая траншея, которая къ ночи была уже занята стрѣлками. Отъ траншеи до стѣны было около 18 сажень. Въ ночь на 7-е января сапы продвинулись еще на 10 сажень впередъ и, сдѣлавъ поворотъ другъ къ другу, соединились.

Такимъ образомъ веденіемъ сапъ вырѣзался на мѣстности четырехугольникъ, по бокамъ котораго были возведены закрытія изъ патронныхъ ящиковъ, вслѣдствіе чего образовался крошечный редутъ, получившій названіе Сапернаго. Редутъ этотъ былъ занятъ турецкими стрѣлками.

Въ ту же ночь широкій ложементъ впереди Охотничьей калы былъ приспособленъ для постановки 10-ти мортиръ. Около полудня 7-го съ тыла послышался сигналъ о прекращеніи огня, который на этотъ разъ однако не сразу произвелъ свое дѣйствіе, вызвавъ всеобщее недоумѣніе. Подхваченные нѣсколькими сигналистами звуки становились однако все болѣе и болѣе настойчивыми и наконецъ произвели свое дѣйствіе, — огонь прекратился.

Какою то странною показалась эта тишина уху, въ теченіе полумѣсяца привыкшему къ непрестанному грохоту выстрѣловъ.

Въ передовыя траншеи пришелъ полковникъ Куропаткинъ въ сопровожденіи полковника Іомудскаго, и послѣдній подъ диктовку полковника Куропаткина прокричалъ текинцамъ, чтобы и они, въ свою очередь, перестали стрѣлять. Текинцы исполнили это. Вслѣдъ затѣмъ имъ предложили выслать кого-либо для переговоровъ къ траверсу, и когда было получено на это согласіе, то къ вышедшему Тыкма-сардарю съ двумя другими текинцами съ нашей стороны отправился полковникъ Іомудскій съ сотникомъ Кунаковскимъ.

Цѣль переговоровъ, какъ выяснилось изъ данной полковникомъ Куропаткинымъ нашимъ парламентарамъ инструкціи, было желаніе предложить текинцамъ убрать трупы ихъ сотоварищей, павшихъ во время вылазки 4-го числа, которые, разлагаясь въ траншеяхъ и около нихъ, дѣлали пребываніе въ траншеяхъ весьма неудобнымъ. Кромѣ того полковникъ Куропаткинъ поручилъ передать непріятелю, что мы воюемъ съ храбрыми текинцами, а не съ семьями ихъ, которыя однако, волей-неволей, должны терпѣть отъ нашего огня, почему мы не стали бы препятствовать, еслибы текинцы вздумали отправить свои семейства въ пески.

Подобные же переговоры велись и на лѣвомъ флангѣ, гдѣ къ генералу Скобелеву вышелъ одинъ изъ защитниковъ крѣпости. Сверхъ того поставленъ былъ и вопросъ о сдачѣ крѣпости. На все это были получены отрицательные отвѣты.

Хотя позволеніемъ убрать трупы нѣкоторыя и воспользовались, но въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Дѣло въ томъ, что на вылазкѣ потерпѣли главнымъ образомъ мертвцы, ушедшіе послѣ этой неудачи изъ Геокъ-Тепе почти поголовно. Неудивительно поэтому, что разсерженные на нихъ ахальцы на предложеніе убрать трупы отвѣчали, что подобныхъ собакъ по степи много валяется и никто ихъ не убираетъ.

Относительно семействъ текинцы отвѣчали, что, пока живы

отцы, до семействъ намъ не добраться, а если намъ удастся перебить отцовъ и мужей,—тогда и съ семьями будь, что будетъ.

Не смотря на подобный отвѣтъ, какъ оказалось впоследствии, менѣе энергичные вывели свои семейства изъ крѣпости.

Трупы были возможно дальше вынесены изъ траншей занимавшими ихъ частями. Нѣкоторые изъ текинцевъ, пользуясь перемиріемъ, собирали впившіяся въ стѣны пули, другіе—закладывали набитыми землей переметными сумами кой какія поврежденія въ стѣнахъ, но главная масса густою толпой сплошь покрыла стѣны съ видимымъ любопытствомъ разсматривая насъ, на что мы конечно отвѣчали тѣмъ же.

Спустя около часа послѣ начала переговоровъ со стѣнъ начали кричать, чтобы мы прятались въ траншеи, потому что разговаривать больше не о чемъ. Не успѣли всѣ хорошенько послѣдовать этому благому совѣту, какъ текинцы открыли огонь и все пошло по старому. Сапы двумя головами продвигались все далѣе и далѣе, а возведенная въ ночь на 8-е брешь-батарея съ утра начала пробивать брешь близъ восточнаго угла южнаго фронта. Въ два часа стрѣльбы стѣна была нѣсколько обвалена, но въ отвѣтъ на каждый упавшій снарядъ со стороны непріятеля мелькали выбрасывающія на поврежденное мѣсто землю лопатки.

Текинцы геройски оберегали свою твердыню отъ разрушенія.

Къ полудню 7-го января, когда минная галерея успѣла уже продвинуться на 70 футъ, давшій трещину еще во время доставки изъ склада къ крѣпости чугунный подшипникъ вентилятора сломался окончательно. Хотя къ этому времени изъ галереи и была уже выведена труба на дно одной изъ траншей, но при остановкѣ дѣйствія вентилятора воздухъ портился въ минѣ на столько быстро, что до починки вентилятора нечего было и думать продолжать работу. Это приостановило работу на шесть почти часовъ. Кое-какъ починенный вентиляторъ снова погналъ въ мину струю свѣжаго воздуха, но струя эта была уже значительно слабѣе, потому что слишкомъ налегать на вентиляторъ было нельзя. Сапы нѣсколько приостановились, поджидая мину.

Въ ночь на 9-е, когда я собирался было вздремнуть между производившимися черезъ два часа смѣнами минеровъ, меня растолкалъ капитанъ Гетшель. «Я сейчасъ только былъ во рву», сказалъ онъ: тамъ нѣтъ ни души: возьми шнуръ, я съ концомъ снова отправлюсь въ ровъ и, когда дерну, ты завяжешь узелъ.

Это предпріятіе капитана Гетшеля обошлось благополучно, и

мы знали теперь совершенно точно необходимое для хорошаго заложенія горновъ разстояніе. Къ полдню 9-го мина продвинулась на 17¹/₂ сажень, а поворотъ сапъ далъ къ вечеру траншею въ 10 саженьяхъ отъ стѣны.

Стрѣлять по нашимъ надземнымъ работамъ текинцы уже не могли и ограничивались бросаніемъ въ сапы камней.

Ушибленные саперы приходили съ жалобами на такой нелегальный, по ихъ мнѣнію, способъ веденія обороны непріятелемъ, и для успокоенія обиженныхъ на стѣну летѣли динамитные патроны, взрывъ которыхъ на время сдерживалъ текинцевъ.

Къ полдню 10-го мина продвинулась на 23 сажени и была снабжена новой вентиляціонной трубой, — сапы остановились въ полу-сажени отъ рва. Въ этотъ же день на плотинѣ была устроена батарея для обстрѣла будущей минной бреші.

11-го въ полдень голова мины была на 1¹/₂ сажени за наружной поверхностью стѣны, и къ 6-ти часамъ утра была окончена выдѣлка выходящихъ изъ галереи двухъ рукавовъ, по 1¹/₂ сажени каждый. Къ 10-ти часамъ 12-го января мина была заряжена и совершенно готова къ взрыву. Въ каждый горнъ положено по 26 пудовъ пороха въ мѣшкахъ.

Согласно диспозиціи, назначенныя къ штурму войска были организованы въ три колонны, изъ которыхъ колонна полковника Куропаткина въ 12¹/₂ ротъ, одну спѣшенную сотню, четыре орудія, двѣ картечницы и два ракетныхъ станка назначалась для штурма миннаго обвала; колонна полковника Козелкова, въ восемь ротъ при трехъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ, — для штурма артилерійской бреші, и колонна полковника Гайдарава, изъ четырехъ ротъ, полторы сотни, пяти орудій и столькихъ же ракетныхъ станковъ, для отвлеченія вниманія обороны къ юго-западному углу крѣпости и для эскалады стѣнъ ея помощью штурмовыхъ лѣстницъ, если успѣхъ первыхъ двухъ колоннъ позволитъ это сдѣлать; 21 рота, при 24-хъ орудіяхъ, составляли общій резервъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

Въ семь часовъ утра артилерія колонны полковника Гайдарава открыла огонь по Мельничной калѣ, овладѣть которою прежде всего предстояло колоннѣ, а въ половинѣ девятаго Мельничная кала была уже въ нашихъ рукахъ и приведена въ оборонительное положеніе. Съ семи часовъ на артилерійскую брешь былъ сосредоточенъ огонь 30-ти орудій лѣваго фланга, которымъ брешь,

не смотря на всѣ усилія непріятеля исправлять ее, скоро была сдѣлана достаточно удобной.

Около 11-ти часовъ, траншеи передъ Великокняжеской позиціей были очищены войсками, а въ 11 часовъ 12 минутъ, по знаку, данному наклоненіемъ головы завѣдывающимъ инженерной частью отряда полковникомъ Рутковскимъ, по землѣ прошла чувствительная волна, въ воздухѣ грузно поднялась масса обломковъ стѣны и пыли и минная брешь открыла войскамъ 15-ти-саженной ширины входъ въ крѣпость. Къ часу дня крѣпость была въ нашихъ рукахъ.

Упорная, двадцатидневная борьба кончилась. Войска наши еще разъ доказали, что въ умѣлыхъ рукахъ они не останутся передъ рѣшеніемъ поставленной имъ задачи. Текинцы же, въ свою очередь, своей геройской обороной ясно показали всѣмъ, что не въ магазинномъ ружьѣ, а въ человѣкѣ сосредоточено главное боевое могущество.

А. Чернякъ.